

Вадим Огородников

Хабаровск. Завод

Патриоты, трудоголики,
любовники, бездельники.
Книга 2

Вадим Огородников

**Хабаровск. Завод. Патриоты,
трудоголики, любовники,
бездельники. Книга 2**

«Издательские решения»

Огородников В.

Хабаровск. Завод. Патриоты, трудоголики, любовники, бездельники. Книга 2 / В. Огородников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960116-2

Повесть представляет собой торжество органически неразрывных связей активной человеческой жизни с развитием производства. Возрождение военной промышленности, внедрение, борьба за внедрение новых методов, развитие вычислительной техники, которую категорически не приемлют престарелые руководители главка отрасли. Стремление руководства завода к обеспечению всего рабочего коллектива жильем и социальными нуждами. И это им удастся. И ее величество — ЛЮБОВЬ. Все на фоне Великой истории Великой Страны. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960116-2

© Огородников В.
© Издательские решения

Содержание

Назначение на должность	6
Начальник электроцеха и его Отечественная война	15
Встреча с Павлом Семеновичем. Нинка	25
Контакты с коллегой. Московская комиссия	32
И первый заместитель. Главный инженер завода	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Хабаровск. Завод Патриоты, трудоголики, любовники, бездельники. Книга 2

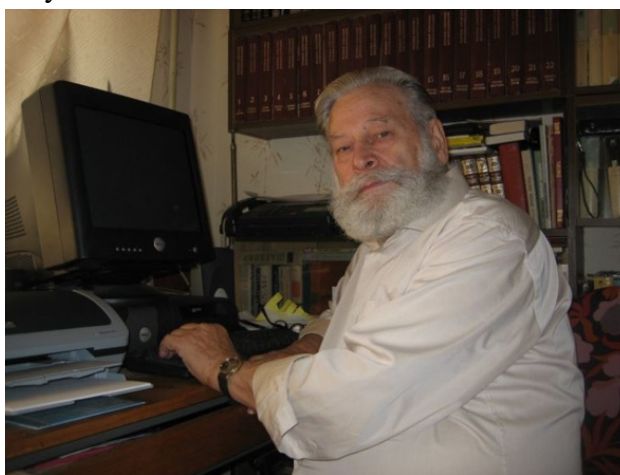
Вадим Огородников

© Вадим Огородников, 2018

ISBN 978-5-4496-0116-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-0117-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вадим Огородников

Мне попались для прочтения книги Вадима Огородникова. Изданы, к сожалению, очень небольшим тиражом (биографические повести). Давно не получала такого удовольствия при чтении, хотя автор не профессионал, а инженер, бывший военнослужащий. Живо, увлекательно. Главное – хорошим литературным языком написаны эти воспоминания. Первая часть читается как увлекательный детектив, потому, что сама жизнь бессарабского мальчика – какая-то фантастическая реальность, перепаханная Великой Отечественной войной. Вторая часть, воспоминаний – становление молодого офицера, годы службы на Украине и более двадцати лет на Дальнем Востоке. Ее можно определить, как производственный роман, чем-то напоминающий известное в свое время произведение Ажаева «Далеко от Москвы», удостоенное Сталинской премии. В центре повествования директор завода (автор книги). Яркая колоритная фигура удивительно сильного порядочного человека. Запоминаются люди из его окружения. Перед нами живая жизнь, а не схема: работа любовь, разлуки, радости встреч, дружеские вечеринки – жизнь, где есть место всему. Мне хочется поблагодарить талантливого автора Вадима Зиновьевича Огородникова за радость встреч с его героями. А читателям посоветовать: читайте произведения Вадима Огородникова.

Комментарий литературоведа

Снежко Эмили Дмитриевны.

27. 07.2011 года

Назначение на должность

Глава 1

Интересное лето 1971 года. Уже три месяца подвижная производственная воинская часть дислоцируется на Красной речке, в пригороде Хабаровска и осваивает цеха и жилую зону бывшего ракетного корпуса, приказавшего по решению правительства, долго жить. Расформировали. Производственники сели на их место. Переведены волею все того – же руководства ДВО и директивы генерального штаба с острова Сахалин. Здесь все новое, все не по островному, каждый друг другу «люпус», и каждый для себя. Жилой фонд, казармы, столовая, клуб, все значительно капитальнее. Цеха высокие, просторные, вполне пригодные к профилю работы батальона. Буквально рядом берег реки Усури в самом широком ее месте, слившейся из множества рукавов, обтекающих Тарабарские острова.

Постоянное солнце светит каждый день и непривычно. Нет вечного тумана и пасмурности. Воздух не пахнет морем. Потребность освежиться значительная. Был конец июня. Ежедневно в обеденный перерыв, который длился два часа, желающие выезжали на берег большой реки, окунались, немного загорали, немного плавали. Офицеры обедали пока еще в солдатской столовой, так было удобно, пока не получили квартир и не перевезли с Сахалина семьи. Берег в районе Красной речки чудесный, широкий пологий песчаный пляж. Это если проехать немного, до улицы Олюторской, и направо, метров триста до берега.

Офицеры части были энтузиастами своего дела, интересовались передовыми технологиями, быстро на новом месте наладили ряд процессов, которых не было на острове, в частности – гальванику, с ее возможностями антикоррозийных покрытий наращиванием изношенных деталей. Хотелось ознакомиться с техническим прогрессом на материковых заводах. Прошло три месяца. Освоились, начали понемногу выдавать продукцию. Перевезли к новому месту службы семьи. Благо, ракетчики освободили не только производственные цеха, но и значительное количество квартир.

В один из дней на базу приехал начальник 89 военного завода, Владимир Ильич Бондарев. У него была задача с максимальной скрытностью произвести реконструкцию будки – кунга, ранее предназначавшейся для перевозки ракетной боеголовки в удобный и перевозимый гараж для личного автомобиля. Размеры будки впечатляли, 3х6 метра, внутри хорошо отделана, с утепленными двойными стенами. Имя владельца автомобиля не разглашалось, но тот факт, что гараж изготавливался под патронажем начальника завода, уже говорил, что личность заказчика достаточно важная. Выполнялась работа в нашей части, вдали от его завода, поскольку необходимо было соблюсти инкогнито и исключить нездоровый интерес. Здесь производственники – солдаты.

Во время его посещения офицеры высказали интерес к его заводу, и он охотно пригласил всех к себе на познавательную экскурсию...

Прошло время. Заказ был выполнен, гараж получился отличный, с индивидуальным воздушным отоплением, работающим от переносного керосинового калорифера, с небольшим верстачком, набором шоферского и другого слесарного инструмента. Увезли. На трейлере танковозе.

Поступил заказ от того – же завода, теперь уже на хромирование партии деталей к автомобилю «Волга». Официально. Платный. Завод производил капитальные ремонты легковых автомобилей и давал гарантию, как на новые. Было интересно, и удивительно, что сам завод технически не готов выполнять гальванические работы. Как потом оказалось – по причине невысокой технической грамотности руководства завода.

В один из рабочих дней, когда командира батальона с главным инженером вызвали в штаб округа по вопросу выполнения досрочных заданий, после совещания решили заехать на завод и ознакомиться с производством.

На проходной завода узнали, что директора нет, и его замещает майор Щукин, да вот он стоит. Попросили его позвать.

Поздоровались

– Извините, товарищ майор, мы коллеги по профессии и нам хотелось бы ознакомиться с технологией Вашего производства.

– Не знаааю... пожимает плечами

– Нам не понятно, что Вы не знаете.

– Не знаю, как на это посмотрит начальник.

– Так сейчас Вы начальник. Да и с Владимиром Ильичем вопрос решен.

– Не знаю. Он ничего не говорил.

– А Вы сами не можете принять решение?

– Нне могу.

– Извините, Вы не офицер, майор.

Так первый раз познакомились с интересующим предприятием. Конечно, когда приехал на базу экспедитор за деталями, покрытыми хромом, главный инженер базы потребовал, чтобы за деталями приехал майор Щукин. Никто не приезжал несколько дней, потом, когда их прижала необходимость выполнения месячного плана, приехал начальник завода и привез Щукина. Щукин получал детали в качестве «экспиздителя», порывался извиняться, но с ним никто не стал разговаривать. Только сказали, что он должен понять, какова разница между ним и порядочными людьми, офицерами. Конечно, его не в чем обвинить, кроме совершенно невообразимой нерешительности.

Прошло не более десяти дней, командир батальона вызвал к себе главного инженера и передал распоряжение начальника службы округа прибыть к нему вдвоем на беседу по поводу назначения на другую должность. Это было неожиданностью, для майора Сибирцева, во всяком случае. Командир части, подполковник Комков, что-то знал, и перед выездом высказал свою надежду, что с уходом начальника 89 завода Бондарева в группу войск в Германию его назначат на должность начальника завода, а главному инженеру придется принимать должность командира батальона – базы. Размечтался... А в штабе разговор был такой.

Беседу с ними вел полковник Рязанцев, тупейший из начальников, попавших в номенклатуру. Но он выполнял строго инструкции, полученные от генерала Варданяна, который на тот момент находился в командировке в Москве.

– Ну, расскажите, как дела в части.

– На данный момент все в порядке. План выполняем, с дисциплиной нормально. Не укомплектованы заместителем по политической части и одним начальником цеха.

– Батальон сможет до ноября, пока не появятся выпускники академий и не произойдет движение кадров обходиться без главного инженера?

Комков, с дрожью в голосе ответил, что, конечно, сможет, да и Сибирцев в курсе всех дел. Инициативен и опытен.

– Вот и хорошо. Майор Сибирцев, как вы считаете, справитесь с должностью начальника самого трудного из наших заводов? Вас рекомендуют, как знающего офицера и кадровики из Москвы, и генерал Варданян, который сегодня по телефону приказал предложить вам эту должность.

– Если в штабе округа понимают, что завод сложный, значит я не один, буду к Вам обращаться за помощью.

Это Рязанцеву польстило, хотя льстить ему не имело смысла. Уже старшими начальниками все было решено. А Рязанцев был известен в войсках тем, что за двадцать пять лет службы не принял ни одного решения.

Михаила Никитича Комкова чуть не хватил удар. Он очень надеялся на то, что ему предложат, по справедливости, повышение в должности. Надо отдать ему должное, он хорошо держал этот удар и, даже, смог поддержать кандидатуру своего главного. Представление на Сибирцева было написано им там же, в отделе кадров округа, в тот же день. Требовалось продвигать сдачу должности Бондаревым в срочном порядке. Возвращались домой через весь Хабаровск (20км вдоль Амура на юг) со смятением в головах и душах, но к приезду успокоились, чувствовать себя в чем – либо виноватым не имел основания ни один из них. Просто, Михаил Никитич перед поездкой поспешил высказать свою сокровенную мечту, и чувствовал себя слегка неловко.

Два дня ушло на то, чтобы передать дела начальнику техотдела и в ближайшую пятницу Сибирцев поехал знакомиться с заводом. Теперь его уже пустили, он прошел в кабинет к директору, его попытались задержать на проходной в заводоуправление, но Бондарев распорядился сразу провести в кабинет. Многие уже знали о предстоящем убытии начальника и чувствовали во вновь прибывшем офицере будущего руководителя.

Решили сразу обойти территорию завода, цеха, отделения, склады, ознакомиться с воинскими подразделениями и офицерами и сверхсрочнослужащими, которых было всего числом десять. Костяк производственных рабочих составляли гражданские специалисты, на положении вольнонаемных. Вся администрация – из гражданских лиц.

Заводоуправление помещалось в бывшей полковой церкви, у которой снесли купол, устроили крышу, смонтировали второй этаж, разместили управления и службы. Волочаевский городок, в котором был расположен завод, строился как городок для размещения дивизии еще до революции, и все время существования Советской власти был поделен между мотострелковой дивизией и военным заводом. Блок соединенных между собой четырех цехов был построен пленными японцами уже после Великой Отечественной войны. Ряд цехов был построен еще в незапамятные времена, в деревянном исполнении и в сгнившем состоянии. В таком виде был отдел главного механика, расположенный прямо по центру территории, и это было самое позорное здание завода. По территории были разбросаны круглые деревянные фанзы, носившие подсобные функции.

Периметр территории был во многих местах разгорожен и возможно было свободное передвижение и нарушителям трудовой дисциплины и воров. А воровать было что.

Новый цех, построенный сравнительно недавно, примыкал к заводоуправлению, это был хорошо смонтированное здание 108х24м. из стальных конструкций с ограждением (стенами) из сборного железобетона. С приличной частотой были расположены по всему периметру оконные проемы, высотой в пять метров.

В плачевном состоянии была казарма для рядового состава и заводская столовая с привозными обедами со столовой военторга рядом дислоцированной дивизии. Это было нечто среднее между столовой и буфетом, без окон и дверь одна, хотя вход был широкий, помпезный.

Страшно было войти в парк машин, ожидающих ремонта. Некоторые машины ожидали своей участи по пять лет и уже сгнили и были непригодны даже в металлолом.

Было страшно удивительно, но довольно большое предприятие не имело внутренней связи. Стоял допотопный ручной коммутатор у секретаря, но начальник завода предпочитал пользоваться посыльным. Из солдат. Это если передать распоряжение или вызвать кого, а также голосом, громко... И всех устраивало.

Секретарь была, но она, как оказалось, не умела печатать на машинке, не умела записать приказ или распоряжение начальника, потому, что и читать умела на уровне третьего класса школы. С удовольствием подменяла посыльного, могла побегать по территории, пообщаться.

Проработала на этой должности много лет, была уверена, что она, как секретарь вполне знающая, а если кто и придирается, то от зависти... Дополнительную машинистку держали, чтобы компенсировать непригодность секретаря директора. Муж секретаря директора был отменным мастеровым по ремонту легковых автомобилей, начиная от сборки и кончая покраской и полировкой кузова. На этом она и держалась. С этим секретарем дела были еще впереди. Профсоюз против ее увольнения возражал, причина – банальное кумовство, пришлось изворачиваться, искать ей достойную ее амбиций работу. Потом нашел. Кладовщицей склада «НЗ». Это отступление не касается процедуры приемки должности.

Пятницу и субботу новый начальник и сдающий дела провели в совместном обследовании предприятия, в участии в ревизии всех служб, которую проводила специальная на то назначенная свыше комиссия.

Поистине, внешность обманчива. Владимир Ильич Бондарев, красивый высокий, в меру упитанный человек, мечта всех женщин, фигура вполне помпезная, и вел себя соответственно своей внешности. Смотрел на мир и людей с высоты своего роста, пренебрежительно мог выслушать младшего, пренебречь мнением равного, не стеснялся на людях возразить по мелким вопросам начальству, на самом деле сам был мелким человеком. О своей личности мнения высокого, и общался с людьми высокомерно, будто делает большую услугу оппоненту своим общением.

До Красной Речки было порядка двадцати пяти километров. И пришлось домой после работы, и на работу утром, ездить новому начальнику на испытательном УАЗИке, самостоятельно за рулем. Использовать в качестве шофера солдата с поездкой на такое расстояние по началу деятельности не хотелось. Семья и квартира были еще по старому месту службы. Машину можно было оставлять в батальоне, где Комков любезно предоставил место в гараже. Служебная Волга начальника завода пока обслуживала убывающего и его огромные потребности в связи с убытием к новому месту службы. Багаж, оформление, контейнера, билеты, масса семейных дел, которые без машины практически невозможно сделать в такие сокращенные сроки. А перевод его по службе зависел от оперативности вылета к новому месту. Это было по настоящему большой удачей. Вырваться с Дальнего Востока помогали старые сослуживцы и сокурсники по академии. Всем, кто не смог во время службы уехать в европейскую часть, грозила перспектива остаться вдалеке от родных мест, от родных людей, или без жилья. Такова была правда, и такая она сегодня, хотя, уже имеются некие шевеления в правительстве – сертификаты, ипотека и т. д. Протекционизм в распределении должностей не прекратится никогда.

Прием – передача длились около недели, и Сибирцеву было уже все ясно. Материальных недостатков не выявлено по цехам и службам, и желательно было быстрее закончить все процедуры, чтобы уже решать вопросы по-своему. Представлены главные специалисты и офицеры, заслушаны начальники цехов, все прошло не без сюрпризов, но благополучно и претензии к заводу указаны в акте комиссией.

Бондарев провел одну производственную планерку с участием всех начальников отделов и служб и с присутствием нового начальника. Мероприятие носило характер обучения нового руководителя, заодно показало несостоятельность системы руководства производством. Получалось, что производственный отдел бездействует, все замыкается на директора, и без его решений ни один отдел не принимает мер по разруливанию обстановки. Вот производственным отделом и руководил уже небезизвестный нам майор Щукин. Впоследствии пришлось его «познакомить» с заместителем по снабжению и потребовать, чтобы они сами решали вопросы снабжения, а на заводскую планерку выносили только то, что не могут решить своими силами и исполнением своих функциональных обязанностей. Начальник должен заниматься только вопросами, которые не в состоянии решить его подчиненные.

Был бездарный прощальный банкет, узкий круг администрации завода, да пару офицеров управленцев. И было удивительно, что организовано было мероприятие без широты и раз-

маха, который был присущ бывшим островитянам, и которого следовало ожидать от серьезной фигуры убывающего директора. Здесь все было по-другому, по чужому. Без организации, выдумки, соответствующего мероприятию меню и веселья. Все с весьма похоронным настроением и столь – же скучными прощальными речами. Основным и самым знаменательным событием прощального вечера было то, что главный инженер завода майор Павлов Николай Зиновьевич,пил не выходя из – за стола до такой степени, что когда все прощались, его брюки были сверху и до низу пропитаны мочой. Не мог он пропустить ни одного тоста. А вдруг другие выпьют без него.

Офицер, служивший в войсковых соединениях, и принявший под свое командование хозрасчетное предприятие рискует не справиться или прослыть тупым, безграмотным солдафоном. Мгновенно появляются доброжелатели, которые подсовывают заранее спорные экономические дела и вопросы, на которых можно сделать массу ошибок. И такие «доброжелатели» сразу появились, и среди гражданских руководителей подразделений и среди подчиненных военнослужащих.

Найденное противоядие в значительной степени спасло от позора некомпетентности. Новый директор первое время предлагал все вопросы ему задавать исключительно рапортами и в письменном виде. И если появлялись каверзы, то ночи, иногда двух, хватало, чтобы ознакомиться с вопросом, почитать литературу и дать правильный ответ. У многих отпало желание писать, и решения они принимали самостоятельно. Это не касается технических вопросов, в которых Сибирцев был широко эрудирован, и с первых дней работы мог смело указывать подчиненным на их недочеты и ошибки. Он в совершенстве владел вопросами термообработки, наращивания металлов способами сварки и гальваники, кузнечным делом, знакомым с детства, знал технологические приемы и правила, проектные и конструкторские работы. Ему было с чего начать и осуществлять личный контроль выполнения работ. После двух – трех практических приемов на рабочих местах среди персонала, и, в особенности, мастеров пошла тенденция на личную практическую подготовку и умение выполнять работы своих подчиненных. Многие мастера стали доводить свои навыки сборщиков, токарей, фрезеровщиков до автоматизма и могли показывать классический порядок работы на рабочих местах своих подчиненных. Уже через год нормирование трудоемкости и пересмотр норм производился по хронометражу выполнения рабочих операций производственным мастером.

Главный инженер продолжал пить горькую, его остановить не представлялось возможным, никакие беседы результатов не приносили. Он с утра шел на свои сто граммов в подчиненный ему лично «отдел главного механика» и уже до вечера был свободен от работы. Вечером, само собой, принимал уже с дневной усталости, и знатно принимал. На эти его мероприятия приезжали сокурсники – выпускники академии, служившие в вышестоящем штабе и против них не было управы, на первых порах. Новый начальник считал, что у него нет главного инженера и справлялся спокойно, времени хватало, можно было прихватить и от лунной ночи.

Светлым местом был технический отдел и его начальник Бубнов Николай Васильевич. Лейтенант тридцати с лишним лет, только призванный, с тонким расчетом, что при его должности он сможет прослужить до пенсии недостающие восемнадцать лет и в пятьдесят получит на десять лет раньше, чем гражданскую пенсию. До этого он работал на той же должности, но, будучи гражданским. На заводе он прошел все стадии взросления, начинал рабочим, и было отрадно, что много рабочих мест для него были пройденным этапом, и он мог рабочему показать все приемы обработки деталей или сборки агрегата. Серьезный, выдержанный.

Начальник ОТК был хороший требовательный работник, некто, майор Корбут, Западно-украинский националист, правда, говорили, что его требовательность не от служебного рвения, а от того, что он, вылечившийся от алкогольной зависимости, не находит в себе сил смириться со своим трезвым состоянием. Позже, лет через пять – шесть, он таки возвратился к питию, но это было уже после рождения нормального ребенка и перевода по службе на Украину.

Главный бухгалтер Гутлянский, словно понимая, что сложно для нового директора, предъявляя каждое утро документы на подпись, детально разъяснял основные понятия баланса, и к концу третьего месяца для Сибирцева уже не было секретом, что есть уставный капитал или планируемые убытки, хотя, что касается планирования убытков, то Александр Викторович на всю жизнь остался при своем мнении и старался, чтобы и планируемых убытков не было, что вызывало массу неприятностей и споров с вышестоящими бухгалтериями после представления отчетных балансов. Им признавались только убытки от ЖКХ, так, как он считал, что жилье для рабочего человека должно быть полностью за счет предприятия.

Роман Абрамович Коробков, главный бухгалтер главка, постоянно просил, чтобы соблюдались особенности «хозрасчета внутри бюджета», ругался и уговаривал, пока не сошлись, что прибыль будет фиксироваться таким образом, чтобы можно было покрыть все планируемые убытки. Это был очень знающий, умный и, способный на компромиссы человек, что редко бывает у работников экономического фронта. Было взаимное уважение, помогали друг другу.

И полный анекдот, бродячий анекдот, был начальник автомобильной службы округа. Генерал Оганес Варданян, который внес свежую струю в систему работы службы и организацию, через шесть лет убыл для прохождения дальнейшей службы в Генеральный штаб. Чтобы быстрее вырваться с Дальнего Востока, ему необходимо было срочно найти себе замену, и, недолго думая, он предложил полковника Валентина Шеина. Вот это и был анекдот. Никакой не инженер, никакой не автомобилист, и никакой не офицер и никакой не руководитель. Просто анекдот. Его путь к должности заместителя начальника службы был через окончание в начале пятидесятых годов гражданского института по специальности экономиста. Призван в армию на два года и служил в должности ревизора в штабе округа, дослужился ревизором до капитанского звания, стал старшим офицером планового отдела, майором, и для получения очередного звания подполковник назначен своими ребятами начальником 18 завода. Долго не выполнял план, ему план снижали и снижали, пока он не стал по плечу новому начальнику, а когда, один раз, в конце второго года, годовой план был, наконец, выполнен, его представили к очередному званию, и, чтобы не было облома, вновь перевели в штаб округа, где уже автоматически он попал на полковничью должность. И шестерил вокруг Варданяна, пока не потребовалось назначение на освобождающуюся должность генерала. Единственное, что он, Шеин, умел виртуозно, так пользоваться бухгалтерскими счетами. Подчиненные это знали. Например, нужно его устранить от влияния на отдел и не слышать его возмущения и крика. Ему приносили сотню паспортов машин, на которых нужно списать автошины или аккумуляторы. Все просчитано и месяцами проверено офицерами ротного, батальонного полкового звена и офицером последней инстанции в автослужбе. От него требовалось только утвердить подготовленный материал. Подпись. Наш генерал брал счета, подвигал к себе первый паспорт, производил расчеты пробега каждого колеса, суммировал, делил, умножал, и удовлетворенный откладывал в сторону. Брался за следующий паспорт. До обеда, и, даже, вместо обеда, генерал тяжело работал, и никому не мешал делать свое, по функциям предусмотренное дело. Таких деловых генералов в Советской армии в последние годы развелось много. Похвально, что нынешняя администрация обещает, хоть и долго, но обещает сократить генеральский корпус.

Валентин Александрович кричал, по любому поводу. Своим криком парализовал реальную работу тех, кто пугался. А пугаться его переставали через год после первого знакомства, ведь встречи с ним у представителей войск были не частыми. Год человек мог не работать, только ждал с неприятным чувством встреч с начальником. Пока не решит для себя, что начальник – лишний человек в цепи руководства и нужно работать, не обращая на него внимания. Конец его карьеры был в генеральном штабе на подполковничьей должности, позднее – обычным делопроизводителем. Но генеральскую форму демонстрировал до конца дней пребывания в писарях.

И два крупных пожара на заводе дали импульс к пониманию, что должность принята и нужно работать, во все свои силы, не надеясь, что система создана и все будет в норме. Системы-то не было. Нормального, или не чрезвычайного времени в Вооруженных силах Советского союза никогда не было.

Прошло недели две после отъезда Бондарева к новому месту службы. Познание объемов работы и функций шло своим чередом. В позднее ночное время, после нуля часов, звонок дежурного по заводу известил, что горит основной сборочный цех. За начальником вышла дежурная машина. Благо, Сибирцев в тот день домой не поехал, ночевал в гостинице военного совета на Пушкинской улице, недалеко. Извещена пожарная команда. Пока пожар тушат своими силами. Начальник завода прибыл одновременно с пожарниками. Тушили около часа. Только пожарники свернули свои шланги, как началось дымление крыши совершенно в другом месте, вдалеке от очага.

Крыша была выполнена в виде трехслойного пирога. Бетон, цементно – стружечная утеплительная плита, асфальт. Так эта цементно – стружечная плита имела свойство тлеть, как трут, и инициировать возгорание в месте наиболее раскаленном. Стружка воспламенялась в десятках метров от очага пожара. Пришлось директору уже лично, с бригадой солдат, вырубать асфальт в метрах двадцати от очага, сбрасывать покрытие с крыши, оставляя только бетон. С работой справились к утру. Все время внизу дежурила пожарная машина. С окончанием работы по отсечению очага возгорания, удалению асфальта и стружечного покрытия пожарники еще раз проверили, нет ли где очагов возгорания и уехали восвояси. Тогда заводские начали «считать раны», определять степень разрушений и бедствия. Бедствие было. Одна стальная ферма, длиной в двадцать четыре метра от высокой температуры потеряла свою упругость и слегка деформировалась, что было видно невооруженным глазом. Была опасность, что с разрушением этой фермы пойдет цепная реакция, она упадет вместе с лежащим на ней бетоном и потянет за собой остальные. Цех мог разрушиться полностью.

А произошло следующее.

Мастер производственной линии Голубенко, желая обеспечить перспективы выполнения месячного плана, остался с несколькими рабочими для «расшивки» наиболее узких мест после рабочей смены. Такое не возбранялось, вроде добровольное мероприятие. Закончили работать в одиннадцать часов, пошли переодеваться. Раздевалки для рабочих были устроены на антресоли, образованной нижним поясом фермы, по которому были настелены полы. Благо, шаг колонн был 12 метров, и места для организации антресоли хватало. Там были обустроены шкафчики для грязной и чистой одежды, умывальники.

Во время переодевания курили. Курил и мастер. Одевая через голову рубаху, он положил горящую сигарету на верхнюю полку, предназначенную для головных уборов, и видел, как сигарета упала на промасленный комбинезон. Подумал: «сейчас надо срочно убрать», и сразу забыл. Его отвлекли рабочие, позвали уже идти. Когда рабочие вместе с мастером дошли до проходной, чтобы сдать ключи от цеха, они увидели в окно цеха пламя.

Бросились обратно. Вбежали в раздевалку, горит один шкафчик. Принесли огнетушитель, не разобравшись в его конструкции, ударили соплом о стену, чем заклинили выходное отверстие, так же поступили и со вторым. А уже воспламенились еще два соседних шкафа. Всего то надо было повернуть ручную кран. К телефону, стали звонить в пожарную команду, так, не зная конструкции огнетушителя, действуя неграмотно, не справились с тушением своими силами, а пожар разгорается очень быстро, да в присутствии сухих шкафов, наполненных промасленными комбинезонами.

Когда приехали пожарники, пламенем была охвачена вся антресоль, длиной в двадцать четыре метра, горящие доски падали на стоящие под ними боевые машины, благо, они не были еще запровлены, но пострадали все равно значительно. Потом целую неделю пришлось всему

цеху и всему инженерно – техническому персоналу завода работать сверхурочно, чтобы месячный план был выполнен.

На пожаре присутствовали: Пастернак Виктор Степанович, второй секретарь, а потом приехал и первый горкома партии, зам Начальника КЭУ (квартирно эксплуатационного управления округа) полковник Яцура, Начальник автомобильной службы ДВО полковник Шейн, и много зрителей и зевак из народа. Шейн пытался кричать и ругаться, но его присутствовавшие начальники быстро успокоили. Происшествие было на уровне чрезвычайного, участь начальника завода смягчалась недолговечностью пребывания в должности.

Но следующий день начали с приглашения специалистов военного проектного института, заключения этих специалистов к вечеру и заключения договоров с Дальстальконструкцией о выполнении работ по укреплению пострадавшей фермы. Справились за несколько дней, а бытовые помещения срочно были оборудованы в другом месте.

Со всеми рабочими и служащими, всей администрацией были проведены занятия по противопожарной подготовке. Старожилы завода не могли вспомнить, когда с ними были хотя бы простейшие инструктажи на эту тему. Проведены ревизии всего пожарного инвентаря и учреждена противопожарная служба с пожарным ДЕПО, новой пожарной машиной и дежурным шофером. Организована внутризаводская связь.

До сих пор нельзя твердо заявить, что следующий пожар был результатом сговора. А новый пожар через небольшое время состоялся.

В трехстах метрах от завода был барак, в котором размещалось около двадцати семейств. Барак был деревянный, каркасно – засыпной, ежегодно ремонтировался, отопление в нем было печное, удобства во дворе, в том числе и вода из дворовой колонки, система коридорная, люди жили в диких условиях, и перспектив для них на получение нормального жилья не было. Значительное количество жильцов барака уже давно потеряло связь с заводом, некоторые ушли на пенсию, некоторые уволились для получения более хлебного рабочего места. Жилье было ведомственным, но людей, потерявших связь с ведомством, никто не будет из таких условий выселять за нецелесообразностью. И они продолжали жить.

Барак загорелся вечером, когда все уже вернулись с работы. Жильцы успели свои вещи вынести, никто не пострадал, кроме того, что лишились кровя над головой. Была поздняя осень. Быстро пожар ликвидировали пожарники, если ликвидацией можно считать то, что ему дали просто догореть, на счастье, рядом с горевшим баракom не было других строений и не было угрозы возгорания других зданий.

Дежурная машина завода несколькими рейсами перевезла спасенное имущество на склады части, одного из погорельцев избрали кладовщиком и ему сохраняли на весь период его вынужденного прогула по основному месту работы среднюю заработную плату. Людей разместили в клубе части. Организовали им постоянное наличие горячей воды, бесплатное питание, установили в клубе солдатские койки, и была возможность желающим отдыхать лежа.

И опять на этом пожаре присутствовали те – же руководители. И главную помощь оказал полковник Яцура. Он здесь же обратился к Пастернаку, и попросил, чтобы в связи со сложившимися обстоятельствами город, задолжавший военным около двухсот квартир, выделил лимитное жилье для размещения рабочих. Дело в том, что строящиеся в городе дома должны были распределяться таким образом, который давал военным определенный процент квадратных метров. И уже длительное время городские власти уклонялись от выполнения своих обязанностей по обеспечению военных, под разными мотивировками. У города была приличная задолженность. И вопрос был решен достаточно оперативно. Люди получили жилье в Южном микрорайоне. По нормам. Все. И новый начальник получил. Взыскание. Но этого стоило ожидать, и это сделало его настоящим руководителем, самостоятельным, думающим над перспективами и проблемами. Пришлось брать в свои руки все вопросы, касающиеся организации производства, снабжения, быта военнослужащих и солдат и офицеров, быта рабочих и на заводе

и дома, вникать во все их нужды, не взирая на руководящие директивы и указания. С ними, с этими людьми, работать, выполнять планы, жить, радоваться и печалиться. Сибирцев стал полноценным директором.

Начальник электроцеха и его Отечественная война

Глава 2

Орша, город, который находился под оккупацией фашистами с июля 1941 года по июнь 1944.

20 июня офицеры батальонного звена и разведывательных подразделений были вывезены к линии фронта, скрытно проникли к передовой линии окопов на берегу Днепра для рекогносцировки местности предстоящих боевых действий в направлении Орша – Вилейка. Единственный мост через реку был в значительной степени разрушен и для форсирования тяжелой техникой, практически, непригоден, если говорить о наступлении целой армии. Только часть боевой техники пройдет по старому мосту под прикрытием артиллерии и авиации, но, основным силам придется преодолевать водную преграду по подготовленным саперными войсками переправам.

На противоположном берегу в зоне развертывания 54 танкового полка 3 танковой армии 3 Белорусского фронта, где служил старший лейтенант Журавский Павел, четко были обозначены долговременные огневые точки противника. В бинокль хорошо просматривались амбразуры, через которые на нашу пехоту польется поток смертоносного огня.

Павел был командиром танкового разведывательного взвода и участвовал в рекогносцировке вместе с офицерами батальонов и ротными командирами. Уже потом, когда пройдет изучение переднего края противника батальонным начальством, командиры рот приведут сюда скрытно своих взводных командиров и максимальное количество командиров танков, и каждый, уже перед боем должен будет уяснить свою задачу, направление развертывания роты и ориентиры направлений движения каждого танка. При закрытых люках, и только пользуясь танковыми перископами и щелью механика – водителя будет очень сложно ориентироваться, да еще под постоянным обстрелом из противотанковых орудий, выведенных на прямую наводку. А перспективы прямой наводки были огромные, виднелись следы замаскированных батарей в промежутках между ДОТАми, угадывались хорошо оборудованные траншеи переднего края, виднелись замаскированные брустверы по всему противоположному побережью. Решение всех командиров было единым – только плотный огонь со всех видов оружия и подавление долговременных огневых точек даст возможность нашим саперам навести наплавные мосты и танки второго эшелона должны будут со своего берега поддерживать непрерывный огонь пока наши передовые полки не окажутся на противоположном берегу и не отбросят первую линию обороны противника вглубь атакуемой территории. Обстановка усложнялась тем, что противоположный берег обладал определенной крутизной и надо было во время артиллерийской подготовки скрыть обрывы до возможной проходимости танками. Для этих целей предусматривались тяжелые бульдозеры, БАТы, смонтированные на базе танка ИС, организационно входящие в состав армейского саперного батальона, но сначала надо навести мост, для облегчения работы БАТов взорвать обрывы берега при артподготовке, после разведчиков пропустить бульдозеры, которые под огнем противника должны будут подготовить проходы на склонах оврага для танков. И в это время, для того, чтобы инженерные войска могли оборудовать переходы, подъемы, постоянно держать передовую линию обороны противника под плотным артиллерийским огнем.

Командир разведки, «старшой», как звали его между собой подчиненные, Паша получил единственную задачу – первым своими тремя танками преодолеть наплавной мост и закрепиться на противоположном берегу, создавая возможность главным силам продолжать форсировать реку. К нему должна будет присоединиться первая рота первого батальона и они обя-

заны не давать врагу поднять голову, особенно противотанковым пушкам. Большое количество войск должны будут преодолевать Днепр на подручных и заранее подготовленных средствах.

Весь остаток дня танкисты провели в подготовительных работах. Производились проверки на точность и соосность прицелов и пушек, загружались и пополнялись боекомплекты, каждый старался взять несколько больше патронов и зарядов, хотя места в танке очень немного и экипажу работать при закрытых люках весьма стесненно. Только недавно стали поступать телескопические шарнирные прицелы (ТШ-15), которые давали возможность довольно точно прицеливаться и вести, практически, снайперскую стрельбу с места и короткой остановки на расстояние прямого (около 1200м) выстрела. Дозаправка дизельным топливом в основные баки и отсоединение запасных баков, многие снимали запасные баки, но предпочиталось их все – же оставлять, но, слив топливо и продув полости, чтобы уменьшить воспламеняемость машины от «дурака», как говорили старые опытные механики. Хватало опасностей и от внутренних баков и боеприпасов.

К шести часам привезли ужин и передали каждому экипажу сухой паек на случай, если затянутся завтрашние мероприятия и не будет возможности кухням пробиться к головным силам полков. Каждый экипаж получил пару булок черного хлеба, приличную порцию сала, и в танковый бачек была слита водка, из расчета сто граммов на человека. Командир взвода сразу запретил употреблять и поручил хранение завтрашнего «НЗ» своему механику, в остальных экипажах тоже было приказано не прикасаться впредь до распоряжения командира. Боевое братство и внутренняя дисциплина во взводе были выстраданы не позволяли ослушаться. Все были напряжены, ожидали боя, и спали не только на танковых брезентах, но и на нервах.

Каждый бой – это перспектива не выйти из него живым, и каждый бой – это опасность, к которой нельзя привыкнуть. И солдаты, да и офицеры, всегда надеются на лучший исход и, как дети, свято верят в своего командира. Считалось, что хороший командир выведет из боя с наименьшими потерями. Они вместе учатся, вместе готовятся, вместе живут и вместе, зачастую, умирают. Так и на этот раз, все надеялись остаться в живых и продолжать свой победный путь, как говорил полковой пропагандист, к полному разгрому врага и остаться в живых, чтобы вернуться к своим родным, к своим семьям. Народ был все пожилой. Командир – самый молодой из них.

Артиллерийская подготовка началась в четыре часа утра. Грохот стоял невообразимый. Это дало возможность саперам начать свою героическую работу по наведению мостов, а танкистам скрытно подойти к исходной позиции в батальонных колоннах, с соблюдением всех мер предосторожности, с головной разведкой, боковыми и тыльными заставами, с соблюдением всех правил радиообмена. На танках стояли еще старенькие коротковолновые 9 – РС, радиостанции, связь с которыми существовала на расстоянии прямой видимости, но эти радиостанции спасли много жизней, давая возможность не только руководить своими подразделениями, но и вести скрытое управление войсками на довольно приличном фронте, особенно в танковых войсках.

К пяти часам утра танковые полки армии были стянуты к исходным позициям и готовы к действию. Канонада продолжалась, понтоны продолжали работать, противник не мог в условиях сосредоточенного обстрела помешать саперам, правда, ДОТы вначале заговорили по – нехорошему, но их подавить пришедшим на расстояние прямой наводки танков не стоило много времени. «Снайперские» пушки танков с расстояния прямого выстрела, целясь в амбразуры, сумели подавить огневые точки противника, во всяком случае на направлениях, мешающих нашим понтонам. Их полк наступал севернее километров 15, от города Орша имел своей задачей преодолеть линию обороны немцев, на участке, по мнению немецких военных специалистов достаточно хорошо защищенном. Во избежание больших разрушений в городе, его решено было взять в клещи, из него немцы сами побегут или вынуждены будут сдать.

Передний край немцев был заранее пристрелян основными орудиями батарей. И теперь хорошо изрыт попаданиями снарядов, артиллерийская подготовка продолжалась, а наши разведчики со своим командиром старшим лейтенантом Павлом Журавским уже были на другом берегу, за ним устремились другие роты, танки медленно, но верно карабкались по крутым склонам Днепра, весь Днепр в районе форсирования заполнился плотами, бревнами, неизвестно откуда взявшимися лодками, связанными в одну большую копну снопами, и все двигалось к противоположному берегу. Артиллеристы перенесли свой огонь вглубь обороны противника, во избежание поражения своих войск. Здесь же начала активно работать прямая наводка танков.

Все танки нашего разведчика пока действовали слаженно, уже поднялись на крутой берег и изучали обстановку в глубине оборонительной линии противника. Когда наши батальоны закрепились на противоположном берегу, танковые полки получили команду продвигаться в глубину обороны немцев, развивать успех. За танками двигалась пехота. Уже давно научились наступать по следам гусениц танков и под прикрытием танковой брони. Вокруг творилось нечто невообразимое. Рвались свои и чужие снаряды, стреляли танковые пулеметы, им вторила стрельба автоматов пехоты. В нескольких местах, уже в тылу наших наступающих войск возникли ожившие огневые точки противника и их немедленно следовало подавить. Несколько танков подорвалось на минах, заложенных на подходах к батареям уже не существующих пушек. Гибли люди, эвакуировались раненные. Уже развернули на этом берегу пункт приемки раненых. Командирам всех степеней приходилось применять весь свой опыт и внимательность, чтобы сберечь свои боевые машины, людей и себя.

Большую помощь в этой наступательной операции оказывали штурмовики. Авиация работала удивительно четко и имела постоянную связь с командованием танковой армии. Здесь взаимодействие оказалось на высоте. О скоплениях немецких войск и их расположении в штабе армии знали заранее и принимали все меры к тому, чтобы эти вражеские техника и личный состав были подвержены артиллерийским и танковым обстрелам. Впереди показался небольшой лесок, какие на Украине встречаются довольно часто, лесок гектара в три, но издали было видно, что он полон немецких войск. На взошедшем уже высоко солнце блестели стекла автомобилей, сверкала броня, изредка вспыхивали, неся за собой облако пыли, выстрелы тяжелых пушек. Разрывы снарядов вздымали высокие столбы дыма, пыли, различных попавших в зону взрыва предметов, и все это являлось мощным фильтром для пламени, сопровождавшего любой взрыв. Пламя мгновенно исчезало, столб черного дыма долго оставался в безветренном воздухе.

Разведчики оказались в боевых порядках первого батальона, но держались все вместе, что было, в горячке боя сложно, но их задачей было разведать местность, цели и огневые рубежи немцев, и в данном случае разведка вновь двинулась вперед, и довольно быстро оказалась в виду засевавших в лесу немцев. Пока развед. взвод приближался к лесу, над лесом появились Советские самолеты – штурмовики. И хорошо прошли своими штурмовыми пушками по расположенной в лесу тяжелой арт. батарее, когда вблизи Павел рассмотрел, то оказалось, что лесом были замаскированы тыловые части, а батарея была единственным боевым органом, но в своей массе солдаты батареи были разогнаны или не в состоянии вести огонь, да и не приспособлены они были к борьбе с танками. Минут через десять весь лес был заполнен российскими танками, проломавшими себе просеки, и пехотой, а около четырех сотен немцев уже выстраивались в колонны с поднятыми руками. Офицеры срывали с себя отличительные знаки, военнопленных направляли в тыл наступающих войск под командованием способных к передвижению раненных красноармейцев и одного санинструктора с большим количеством медикаментов и перевязочного материала, позаимствованного в немецком тыловом госпитале. Пригодится нашим. Медикаменты погрузили на немцев.

Специальные команды из тыловых солдат Красной армии занимались сбором брошенного немцами оружия, сортировались трофеи, в работу включались ДОПы (дивизионные обменные пункты), имея своей целью сохранение всех, брошенных врагом ценностей.

Немцы бросили свой продовольственный склад, большое количество мясных консервов, полная машина недавно испеченного хлеба, килограммовые коробки с сахаром – рафинадом, на которых было написано «Выроблено на сахаро-рафинадном заводе в мисти Виньця». Оборотистые разведчики нашли чем пополнить свой сухой паек. О трапезе некогда было думать, хоть и в запале боя никто не заметил, как время приблизилось к четырем часам дня. Продвижение в сторону города Орша продолжалось, «враг бежит, а мы в догоняющих», как сказал главный комментатор событий, заместитель командира полка по политической части. По штатному расписанию замполиту танк был не предусмотрен и в большинстве случаев политработники держались тыловых подразделений, поближе к медицинской части и кухне. Но замполит этого полка был личностью уникальной и в боевой обстановке всегда старался быть в экипаже командира полка, вместо заряжающего, которого всегда на период боевых действий отправлял рабочим по кухне, она двигалась сразу за боевыми порядками полка и на ходу обязана была приготовить горячую пищу для всего личного состава. Кормить по команде, которая может поступить в любой момент.

Таким образом, замполит подполковник Петренко, повторяя традиции времен революции, всегда был вместе с командиром, всегда готов его заменить в нужную минуту и никогда не рисковал быть осмеянным офицерами батальонов и рот. Он систематически тренировался в работе с боеприпасами, выполнял нормативы времени по заряданию пушки, умел снаряжать пулеметные ленты, неплохо стрелял из всех видов оружия и никогда не пропускал возможности практически поработать по обслуживанию танка. Уникальный был политработник.

Первый эшелон наступающих танковых полков задачу выполнил успешно, несмотря на ожесточенное сопротивление врага. Командование принимает решение ввести в наступательный бой полки второго эшелона. Передовые части израсходовали свой боезапас, в каждом танке оставалось по два – три снаряда, дизельное топливо в баках было на исходе. Боевая техника после двенадцати часов непрерывной работы и активного маневрирования нуждалась в обслуживании, в особенности механические части двигателей, трансмиссии, артиллерийских систем.

Отбитый у врага лес оказался прекрасным местом для остановки двух полков и сосредоточения в нем тыловых подразделений, возможности работать с техникой. Вторые эшелоны дивизий вступили в преследование вражеских войск, но наткнулись на вторую линию хорошо инженерно подготовленной обороны. Продвижение танковой армии при поддержке общевойсковых дивизий затормозилось впредь до того момента, когда будут подтянуты фронтовые резервы и можно будет с наименьшими потерями преодолеть вражескую оборону.

А танкисты Павла Журавского, овеванные славой сорви – голов и лихих разведчиков, уже посмеивались друг над другом, звучали солдатские остроты, отчаянно приправленные отборным фольклором, не доступным пониманию обывателя, который не умирал по сорок раз на дню.

Подвезли кухни, началась раздача горячей пищи. Взводный стол, накрытый на танковом брезенте, изобиловал деликатесами, типа зеленого лука, добытого на предыдущей стоянке, также зеленого чеснока со вкусной ботвой, все это опытный старшина завернул в мокрую гимнастерку, уложил на днище танка под казенником пушки, с расчетом, что по этому пакету не потанцуют в ходе боя. А сало давалось на сухой паек. Хотя, надо отдать должное тому же старшине, он предложил сначала съесть горячую пищу с зеленью, предварительно остогрившись, а потом, если останутся голодными, переходить к салу. Порции макарон с тушеной были столь велики, что, даже здоровые мужики от разведки не могли с ними справиться.

Здесь – вечный фронтовой закон, употребить и за погибших и раненных, а таковых в полку было чуть ли не треть. Готовили то на всех.

Сэкономленная водка по количеству стоявших вчера на довольствии списывалась и оставалась в распоряжении командования.

И, сразу после полевой трапезы, без пересадки, танкисты начали готовить танки к следующим подвигам. Жалели погибших и раненных, но принимали все меры, чтобы в следующем бою, который ожидался уже через несколько часов, не оказаться выбывшим из строя.

Пришли машины – заправщики. Заправляли полные баки. Правильно сделали те, которые перед боем свои запасные баки не сбросили, теперь они могли заделать пулевые отверстия и получить дополнительное количество дизельного топлива. На марше сначала вырабатывалось топливо из дополнительных баков. Командиры чистили оптику, обслуживали радиостанции, руководили, механики заправляли, устраняли неисправности моторной группы, доливали масло в коробки и двигателя, запасались маслом впрок.

На долю заряжающих выпало самое сложное – подготовить снаряды, т.е. привести их к окснар. виду (окончательно снаряженному). Потом ему поможет весь экипаж, включая и командиров танков. Надо не только осмотреть и подготовить каждый выстрел, но и снять с него смазку, ввернуть взрыватели, загрузить таким образом, чтобы во время стрельбы на ходу не перепутать бронебойные с фугасными (когда движется танк, в башне полно порохового дыма, неровности дорог, плохое освещение, заряжающий получает команды и должен их выполнять), набить ленты пулеметов патронами, а это тоже большая и кропотливая работа. И все это надо делать еще сегодня, приказ может поступить в любой момент, а народ тяжело трудился с четырех часов утра. Люди были возбуждены, но от усталости падали с ног.

Уже давно стемнело. Еще не мыли стволы пушек. В этой работе участвует весь экипаж, иногда для пыжевания объединяются два экипажа. Старший лейтенант Павел дал команду три часа спать. Организовали охрану, по часу, опять таки заряжающие. Потом он им даст поспать несколько дольше остальных. Да и надежда была, что их не с самого утра выведут на марш, в предвидении боя. Улеглись прямо в танках, уже давно приспособились спать, каждый на своем месте. Механики на своих сидениях, командиры – в боеукладке, заряжающие и наводчики на днище, подстелив под себя брезент. Уснули моментально. Дневальные, из заряжающих, несли службу добросовестно. Когда через три часа командира разбудили первого, и он увидел, что еще совсем темно, то приказал людей не будить, дать им еще два часа сна. И люди отдохнули и были командиру благодарны. Подъем совершили в пять часов утра, уже рассвело, и можно было заниматься обслуживанием машин уже при дневном свете. Хороший знак, что за ночь никто из старших начальников не приходил проверять и командира взвода никто не вызывал. Значит, поднимать полк будут не скоро, и это даст возможность более тщательно обслужить технику.

К восьми часам объявили о том, что готов завтрак и прибывать по-ротно за получением пищи. И сразу после завтрака поступила команда разведвзводу быть на беседе замполита, которую он будет проводить при первом батальоне полка. Подполковник Петренко детально разобрал действие подразделений полка, сообщил всем, что полк с задачей дня справился в полной мере и отмечен командованием армии. Дальнейшие действия будут известны из приказа, который должен поступить с минуты на минуту. Сообщил о успехах на других фронтах, и что недалеко то время, когда на территории Советского Союза не останется ни одного врага. Выступление подполковника перед солдатами всех подразделений полка всегда выслушивались с большим вниманием, все знали его храбрость и беззаветную преданность делу коммунистической партии, его постоянное участие в боях лично, и каждый солдат был готов идти с ним на любое задание. Ему слепо подражали. Он был непререкаемым авторитетом.

Солдаты вернулись к своим повседневным делам, а замполит пошел проводить аналогичную беседу в других батальонах.

Команда на продолжение активных действий не заставила себя ждать. Уже в двенадцатом часу дня разведчики вышли по маршруту, обозначенному в приказе на форсированный марш с готовностью в любой момент развернуться для боевых действий. Марш ориентирован в обход города Орши с права. Севернее. К этому времени взвод был готов к движению. По команде взводного командира выдвинулись, доложили командиру полка о начале движения, за разведкой последовал первый батальон. На марше, без соприкосновения с немецкими войсками, движение не было затруднено, если не считать крайне плохого состояния дорог. По засеянным полям, которые, теперь уже должны принести урожай для освобожденного народа, передвижение войск старались ограничивать. Маршруты, пробитые ранее прошедшими войсками, дороги, уже в значительной степени разбиты, приходится танку нырять из одной ямы в другую, этого не понять человеку, который не видел танковых маршрутов, проходящих по грунтовым дорогам.

Через два часа движения начали давать о себе знать звуки недалеких выстрелов и взрывов, Журавский доложил об этом начальнику штаба полка и получил ответное приказание продолжать движение по обходному маршруту, обо всех препятствиях или изменениях в движении докладывать немедленно.

Пока двигались с открытыми люками командира и механика, обзор местности был прекрасный, но с каждой минутой ведущийся впереди бой был слышен все сильнее. Разведывательные машины шли с максимально возможной скоростью. Интервал между машинами был около пятидесяти метров. Запыленность воздуха позволяла командиру видеть все свое войско и движущиеся в километре за ними головные машины первого батальона. Между танками и командиром, а также у командира, имелась постоянная радиосвязь. Обстановка была почти спокойная, если не считать приближающиеся с каждой минутой воюющие войска Советские и немецкие. До линии сопротивления оставалось не более километра.

Удар немецкого снаряда из орудия, находившегося на видимом пригорке в зоне противника и слегка справа, пришелся в правую гусеницу. Она мгновенно размоталась, как гусеница, танк завертелся на месте. Механик, молодец, моментально сориентировался, заглушил двигатель и весь экипаж в мгновение ока был на земле и приступил к работе по натяжению гусеницы, минуя ленивец (переднее, направляющее, натяжное колесо), такой аварийный способ существует и всегда экипажами обкатан для исключительных случаев.

Журавский уже направился ко второму танку, чтобы продолжать выполнение разведывательной задачи двумя танками, по обнаруженной батарее противника открыли огонь танки первой роты, следующий выстрел батареи по второму танку был менее успешным, попал в лобовую броню, но осколки поразили Журавского и механика его танка. Павел упал, к нему бросились командир второго танка и его наводчик. Журавский был в сознании, сразу дал команду старшине, командиру второго танка, продолжать поставленную задачу, доложить начальнику штаба полка об обстановке и о том, что он взял командование разведкой на себя, передал планшет с картой местности. Павла отнесли в сторону от дороги, практически, его экипаж остался без командира и механика и дальше двигаться не мог. Механик получил сильное ранение в ногу, ему раздробило колено, у Павла осколочные ранения в грудь, правое плечо, небольшой осколок попал в лоб, но застрял в лобовой кости. Лицо заливало кровью.

Батарея противника, которая себя обнаружила, была быстро уничтожена прямой наводкой танков, находящихся на марше. Расстреляли с остановки.

Оставшиеся в целости два танка разведки продолжили свое движение, раненные остались на обочине дороги, им оказывали помощь оставшиеся в живых члены экипажа командира. Наступление Советских войск продолжалось. Оршу освободили от немцев 27 июня 1944 года.

Через час после происшествия, раненых подобрал подвижный санитарный пост, смонтированный на высоко проходимом «Студебеккере». Старший лейтенант был без сознания. Механик, несмотря на то, что у него была серьезная рана, все осознавал, и еще сумел дать

инструктаж оставшимся в живых наводчику и заряжающему, как выходить из создавшегося положения, как своими силами привести танк в состояние, которое могло обеспечить передвижение своим ходом до дивизионной танко ремонтной мастерской. По его просвещенному мнению повреждения были вполне устранимы. Механик и забрал с собой личные вещи своего командира и свои. Два вещевых мешка.

Павел пришел в себя в полевом госпитале, размещенном в сельской школе, уже в недалеком тылу, это был дивизионный госпиталь, сюда сосредотачивались все раненные их дивизии, оказывалась хирургическая помощь, после чего приезжали машины эвакогоспиталя и раненные эвакуировались в тыл армии для дальнейшего выхаживания и выздоровления. Эвакогоспиталь не был последней инстанцией, но у него были врачебные силы и средства ухода за больными более совершенные, чем в дивизионном. Далее раненных передавали в полевой армейский госпиталь, который и лечил защитников отечества до полного выздоровления. И Журавский, и его механик попали в армейский госпиталь на третьи сутки. В дивизионном госпитале им была оказана врачебная помощь, обработаны раны, оперировали места, где возможно было определить наличие осколков или была возможность направить кости и наложить гипс, проведены все мероприятия антисептики, возможные в полевых условиях и в то, бедное медикаментами и во всех отношениях время. У Павла вся грудь была в бинтах, движение было затруднено, правая рука зафиксирована специальным устройством, чтобы правильно срослись кости лопатки, голова, единственное ранение, которое, как выражался сам Павел, «недоранена» и значительных повреждений не имелось, лобная кость в гипсе не нуждалась.

Механик, хохол из Харькова, Владимир Хрящ, был поврежден значительно, но врачи, поработав с его коленом, сказали, что первое время после излечения нога не будет гнуться, но все зависит от него, и если не будет лениться, то через полгода – год, он даже хромать не будет. Пока, они оба решили заняться написанием писем, всем родственникам, знакомым, отыскать потерявшихся в войну людей, и это будет их основным занятием на все время лечения.

Карандаши, авторучки, и, даже чернила к ним у наших героев были в рюкзаках, а, вот, бумаги уже давно не было. И давно они никому не писали. Обратились к симпатичной сестричке, узнали, что ее зовут Наталия, попросили найти бумагу для писем, она не могла оставить без внимания просьбу двух симпатичных танкистов. Через часок принесла им школьную тетрадку, которая имела в ее личном распоряжении, дала полный адрес полевой почты, и высказала готовность, после написания писем, их отправить. Так началось знакомство, впоследствии перешедшее в долгую и крепкую дружбу. В первое время, когда Павел и Владимир, лежавшие по их просьбе в одном классе (палате), были на постельном режиме, Наталия приносила им завтрак, обед и ужин, помогала принимать пищу, вела с ними незначительные разговоры, слегка кокетничала. Как оказалось, она была добровольцем с Дальнего Востока, у нее родители были коренными жителями Хабаровска, там она окончила школу медицинских сестер и три месяца тому прибыла для прохождения службы в госпиталь Третьего Белорусского фронта. Родители за нее очень боялись, братья, которые тоже воевали, боялись, и она на первых порах боялась. Папа у нее был специалистом по строительству и ремонту рыболовецких кораблей, мама – секретарь машинистка, на той же базе флота в Хабаровске. Но вот уже с месяц, как привыкла не пугаться вида искалеченных людей, крови, иногда приближающихся к госпиталю звуков войны. Родным пишет письма через день, и столь же часто получает.

У кровати Павла она через несколько дней стала задерживаться несколько дольше, чем у других, всегда находила причину поправить повязку, заменить бинт, измерить температуру или что либо убрать. Прошло с неделю, а больные уже начали говорить: «Паша, твоя идет», и ему это было приятно.

Настал день, когда лечащий врач разрешил Журавскому самостоятельно ходить в туалет и выходить на полчаса на прогулку по школьному двору под присмотром сестры. До этого ему

в отправлении естественных надобностей помогали другие раненные и выздоравливающие, которых для этих целей активно использовали в госпитале.

Для Павла это было большой успех, он уже начал думать, что выздоровление – вот оно. Но врач успокоил, что до выздоровления еще не менее двух месяцев, да необходимо будет время на реабилитацию. Рентген показал, что кости плеча срастаются правильно. Но врачей беспокоили кости грудной клетки, поврежденные в трех местах. Прогулки по двору с участием Натальи были небольшими праздниками, они говорили, говорили, и исповедовались без остановки. Но время было жестко регламентировано.

В один из дней в госпиталь приехал заместитель командира полка, подполковник Петренко. Это было через месяц. Уже войска продвинулись вперед значительно. Но в госпитале лежало около двух десятков человек из их части. Большинство из них было награждено, и Петренко приехал вручать награды. Павел получил орден Красной звезды, такой же орден был вручен и его механику. Ребят заверили, что после выздоровления их ждут в своей части. Вот этот факт, что парни не забыты, создал для них настоящее сияние праздника. К ним уже начали приходиться письма с родных краев. До этого Хрящ и не знал, каковы дела и кто выжил после оккупации на Украине, в Житомирской области. За Павла письма писал все тот же Хрящ. Правая рука его командира была зафиксирована и неподвижна. Журавский был из послереволюционных сирот, воспитан в детском доме и силами Ф. Э. Дзержинского и мощной командой, которую тот создал, воспитан в патриотическом духе с легким налетом блатняка. Но он связался со своим детдомом, где то в Сибири, со старым директором, своими соучениками и пионервожатыми, ему было радостно, что он там нужен, как пример, в ходе этой войны беспризорных образовалось в десятки раз больше, и Павел уже получил приглашение посетить свой детдом и, по возможности, планировать свою будущую работу в родном детском доме воспитателем. До этого было еще очень далеко, но мечты были приятными и мирными. Письма читал и Наташе, и механику, и соседям по палате. Да все раненные делились вестями с родины и читали получаемые письма для всей палаты. И от родителей, и от жен, и от любимых, и от детей своих. Для госпитальных обитателей переписка с домом и близкими всегда была делом первостепенным, и к концу войны, когда и полевая почта, и государственная почта вне армии, были делом очень важным.

Отношения между Наталией и Павлом продолжали углубляться, они были друг с другом достаточно откровенны. Павел был молод и холост, Наташа была еще моложе и до сих пор избегала отношений с мужчинами, которые могли иметь последствия, не на пользу делу, которое она делала, будучи патриотически и идеологически воспитанной, и добровольно добивалась от военкомата призыва в действующую армию. Павел, частью от своего физического состояния, частью от трезвости ума, активно выступал за ее целомудрие среди большого количества мужчин, втайне надеясь, что их отношения со временем все же перерастут в более близкие. Без этого не бывает дружбы между мужчинами и женщинами. Они неоднократно мечтали о том времени, когда Павел выпишется из госпиталя, вернется в свою часть, и они будут изредка видаться по воле случая или разрешению начальства. Все-таки, они служили в одной армии. Район дислокации часто совпадал или был не очень растянут.

Их прогулки по двору школы, и, уже за его пределами стали носить систематический и вполне плановый характер. Это было ежедневно, после смены дежурного медицинского персонала, или после работы, или вечером, перед вечерней проверкой. Начальство Наташи об этом знало, ее старший врач, женщина, которая командовала медсестрами, вызывала на специальную беседу, во избежание определенных происшествий, но она была женщиной умной, и посчитала, что уж лучше романтические отношения, обещающие длительное будущее, чем кто либо из врачей сделает ее своей ППЖ (полевой, походной женой), и это будет носить весьма временный характер с традиционными переживаниями и, часто, скандалами. Этот чистый

роман продолжался и был тем глотком живительного воздуха, в котором так нуждается каждый человек, молодой человек, еще не имевший семьи.

Незаметно прошло полтора месяца, за это время госпиталь дважды менял свою дислокацию, сопровождая тылы своей армии. За это время зажило колено механика, и он убыл для реабилитации в специальный военный санаторий, организованный в относительном тылу. Сняты фиксирующие устройства с руки и плеча Павла, бинты были не столько для заживления, сколько в виде защиты от инфекции. Проводились мероприятия по лечебной физкультуре, влюбленные с каждым днем все больше боялись окончания их ежедневных свиданий.

Когда Павлу предложили выписку, он пошел на прием к начальнику госпиталя, старому профессору, и напрямую попросил оставить его для реабилитации в рабочей команде госпиталя. Павел объяснил, что они с Наташей имеют серьезные намерения на послевоенную жизнь и каждый день, проведенный вместе для них большой подарок судьбы. И начальник госпиталя все понял, разрешил проходить реабилитацию при госпитале, жить в госпитальной команде санитаров, единственное, что он просил, так это, чтобы Павел не мешал своим присутствием рабочему процессу. Наталья должна свое время проводить с больными и в палатах, а не во встречах с любимым. Их порядочности и сознательности хватило на то, чтобы не нарушить обещание, данное старому профессору. А Павлу это пошло на пользу, поскольку он зарабатывал свою руку под постоянным наблюдением своего лечащего врача.

Всему приходит благополучный или плохой конец. Пришло время, когда врачи сделали заключение о полном восстановлении здоровья старшего лейтенанта Журавского. И было прощание «со слезой во взоре», и обещание верности и встреч при любой возможности. И, действительно, через четыре дня Павел на часок прискакал с оказией, с их дивизии привозили очередных раненных. Они, Наталья и ее воздыхатель виделись небольшое время, но этот час свидания дал девушке большую надежду на продолжение отношений, и она не ошиблась, эти встречи продолжались всю осень и зиму.

Полк Павла находился в двадцати пяти километрах на переформировании, получении новой техники и обучении личного состава, почти полностью, обновившегося. Третья танковая армия за этот период прошла Минск, Освобождала Вильнюс, и всегда армейский госпиталь был в недалеко, и встречи были с большой периодичностью, радостные встречи.

Готовились к штурму Кенигсберга. Дни были горячие, солдаты и офицеры работали много, и не замечали зимы. Несколько раз прорывали линию обороны немцев, но каждый раз встречали еще более подготовленную и укрепленную оборону. Фашистам уже терять было нечего. Они защищались отчаянно. В горячке боевых действий Журавский все равно не забывал предмет своих мечтаний. Два раза в месяц он находил возможность побывать у невесты, так о ней знали и говорили и в госпитале и в полку Павла. Павел теперь был уже капитан, и командовал ротой. Солдаты его любили и уважали за опыт и человечность.

И штурм в конце марта совершенно разрушил последнюю линию бетонных оборонительных сооружений. Но в ходе этого штурма полк, в котором служил Журавский, потерял снова более половины своих танков, в роте Журавского не осталось ни одного исправного танка, все имели боевые повреждения или сгорели, но задачу свою выполнили. Павел, на этот раз, отделался только контузией и легким ранением в ногу, это его повреждение хорошо лечилось в дивизионном госпитале, и он был практически здоров уже к середине апреля. Его направили в распоряжение формирования, которое называлось Военная комендатура, для усиления команд, которые должны наводить порядок в освобожденном от фашистских войск Кенигсберге. Уже в период уличных боев специальные команды полевой комендатуры занимались наведением порядка на освобожденной территории города, вели борьбу с мародерством и грабежами, направляли перемещенных лиц на специальные сборные пункты, создавали лагеря для сосредоточения военнопленных, организовывали пункты питания и довольствия для лиц, освобожденных из концлагерей. Павел был в распоряжении коменданта города в каче-

стве штатного патруля. Ежедневно он выходил с небольшой командой солдат на патрулирование центральных улиц города и его промышленных и жилых районов. Постепенно к семнадцатому апреля уличные бои закончились, но город горел еще долго, дней десять.

Встреча с Павлом Семеновичем. Нинка

Глава 3

Сибирцев продолжал осваивать должность и науку управлять. Эта наука напрочь отсутствовала в программах и учебниках ВУЗов, и каждый руководитель в СССРе самостоятельно избирал модель своей деятельности и управления своим производством. Ценились руководители, умеющие выжимать из своих предприятий возможное и невозможное «любой ценой».

Ежедневно, в период своего становления, после утреннего доклада главного бухгалтера новый директор заслушивал одного из начальников цехов, где докладывалось все, состояние и квалификация кадров, выполнение месячной программы, нормирование и выполнение норм труда, сложности с руководством участком, цехом, снабжение и возможности отказаться от ряда дефицитных деталей, наладить их изготовление или реставрацию. Все вопросы жизни и быта участка. И эти доклады, в конце концов, привели к полному знанию директором состояния предприятия. Эти доклады – беседы длились до обеда, а иногда и до конца дня, если участок был достаточно проблемным.

Прошло дней десять, прежде чем дошла очередь до начальника электроцеха Журавского Павла Семеновича. Перед приемом начальника цеха зашел председатель профсоюза завода. Короленко. Бывший начальник механического цеха.

– Александр Викторович, я должен вас предупредить, что сейчас у Вас будет на беседе Павел Семенович, который уже давно у нас является кандидатом на увольнение за систематическое употребление спиртных напитков, в том числе, и в рабочее время. Советую хорошенько припугнуть его. Пусть знает, что новый директор с ним возиться не будет. Скоро его жена уходит на пенсию, Наталия Михайловна. Она машинисткой в секретном делопроизводстве. Мы не уволили его только по ее настоятельной просьбе. А она очень уважаемый человек. Когда она уйдет его некому будет защитить.

– Сначала я познакомлюсь с его цехом, людьми, остальными вопросами, а потом будем решать по морали и кадрам. При мне еще никаких нарушений с его стороны не было.

– Да, но его трудовая дисциплина и пренебрежение мнением профсоюза, всем известны.

– Мне пока ничего не известно.

– Но я вас предупредил.

– Это похоже на несолидный донос.

Председатель комитета профсоюза, Короленко, ушел не удовлетворенным и даже обиженным. Он, по традициям своего времени, и установившимся на заводе был, вроде, на высоте. Доносы были в почете. Но Сибирцев пришел из других условий, других традиций и с другими понятиями о чести.

Заходит начальник электроцеха.

– Здравствуйте Александр Викторович, я Журавский Павел Семенович. Начальник цеха. Вы хотели меня сегодня выслушать по порядку в цехе и выполнению плана. Он за двадцать пять лет сильно постарел, сморщился, слегка изогнула жизнь и ранения его фигуру, но это был все тот же, уважаемый дядя Паша.

– Здравствуйте, Павел Семенович, я давно Вас знаю, и помню.

– Откуда Вы можете меня знать, ведь Вы служили на Сахалине, и, раньше, на Украине, я не был ни там, ни там.

– Вспомните 1945 год, службу при комендатуре г. Кенигсберга. Вы патрулировали, и у Вас был переводчик, пацан, как его называли, так это я.

– Боже мой!

У Павла Семеновича искривилось лицо, он по-настоящему заплакал. В эту минуту в дверь сунулась так называемый секретарь, Валентина Павловна, с бумагами, очевидно собрала у нескольких исполнителей и хотела дать на подпись между делом. Такого рыка директора она не слышала ни до, ни после в своей карьере. И больше никогда не входила без вызова. Состояние Журавского, конечно, было обнародовано в приемной, разнесено по заводу и тиражировалось. Все думали, что это результат проработки в результате доноса профсоюзного деятеля.

– Да, Павел Семенович. Вы похожи на самого себя, я повзрослел, вырос в два раза, и, естественно, изменился по сравнению с тем временем. Давайте успокоимся, нам повезло, мы с Вами живы и встретились через столько лет. Как вы жили все это время?

– Да как жили? После того, как вы слиняли в Литву начались судебные разбирательства с людьми, которые были угнаны в Германию и работали там в качестве рабочих. В большинстве случаев всем присуждали на поселение в Сибирь и на Дальний Восток. Некоторым давали срок в лагерях, в зависимости от того, где работал у немцев. Лагерь перемещенных лиц и комендатура по периметру не охранялись, и на третью ночь в лагере осталось меньше половины. Большинство под покровом ночи вынуждено было удрать в зону Американской оккупации, потом, всем известно, эти люди стали эмигрантами по всему миру. Там, в западной оккупационной зоне, тоже были лагеря, в которых их сортировали, но никого не отправляли насильно в Советский союз. А комендатура затребовала дополнительные силы для охраны. Через день комплектовались команды из осужденных для загрузки эшелонов на восток, за Урал. Такая справедливость.

– А как на личном фронте? У Вас была невеста в госпитале, я слышал, как Вы с восторгом говорили о ней и все стремились увидеться. Благо, госпиталь был уже в Кенигсберге и ездить было близко.

– Правильно, меня к сентябрю уволили по совокупности ранений. Мы поженились еще там. В мое удостоверение личности и ее красноармейскую книжку поставили печати ее и моего командира части, выписали специальное удостоверение, что мы – муж и жена. Наталью уволили сразу после свадьбы. Посажеными отцами был профессор от госпиталя и наш замполит Петренко. Уже война кончилась, гуляли на свадьбе все врачи госпиталя, медсестры и офицеры нашего полка. Командование взяло все заботы на себя. И мы сразу уехали в Хабаровск, к ее родителям. Получили паспорта, сделали запись, уже настоящую, а те, военные удостоверения нам удалось сохранить, для детей и внуков. Да вот Вы теперь знаете, что машинистка секретной части – моя Наталья. Давай не будем ей говорить о нашем длительном знакомстве. Мало ли, баба может проговориться, и сделают тебя без вины виноватым. Ведь до сих пор, дураки, преследуют.

Поначалу я работал с ее отцом на базе РЭБ флота, электриком, потом, когда организовался этот завод, мы перешли сюда, и здесь уже более двадцати лет. У нас два сына. Один работает тоже на заводе сварщиком. Узнаете. Хорошие ребята. А как жил и двигался ты, «пацан», извини, так назвал последний раз. И вообще этот разговор тяжелый и, наверное, последний раз. Не потому, что Вы начальник, а потому, что надо сохранять трезвую голову. Она у меня не всегда трезвая, но постараюсь Вас не подводить. Теперь расскажи.

– У меня жизнь была довольно простая, если не считать того, что мать всегда преследовали определенные силы за то, что она была гастарбайтером в Германии во время войны. И мы всей семьей были вынуждены поменять много мест жительства, дожили родители до пенсии, тогда от них отстали, они поселились в городе Бердичев, Житомирской области. Я поступил в военное училище, чтобы быстрее стать самостоятельным и не жить за счет папы и мамы, сестра закончила медицинский институт, брат – шахтер, мне удалось закончить заочно гражданский институт по специальности инженера механика. Ремонт и эксплуатация автомобилей,

тракторов и другой техники. Трудового стажа уже почти двадцать лет. Камчатка, Сахалин, другие места. И вот, здесь. Все просто, если честно работать.

– У тебя семья есть? Жена, дети.

– Да, у меня жена, знакомая еще с детства, инженер – химик, дочке шестнадцать лет.

Здесь все нормально

– А как отношения с партией?

– Вступил, на Сахалине. Коллектив офицеров в части был небольшой, после партсобраний всегда ходили пить пиво. Я их ждал, когда кончат свои партийные дела. Вот мне и предложили вступить в Коммунистическую партию, чтобы не зря сидеть и ждать, а соучаствовать в политической жизни. Ничего, кроме разочарования вступление в партию не принесло. А пиво стал пить уже, как член Коммунистической партии.

– Вот и у меня. Пока воевал, знал, за Родину, и нужна идеология. А когда окунулся в гражданскую жизнь, понял, что все они, партийные, только за себя, за свою карьеру, и никаких забот о простых людях. Так обидно стало. Был преданным. Ложился костью, я убивал и меня убивали, а все не принесло нашим людям никакой пользы. Мы с тобой знаем, что немцы, простые немцы, живут лучше нас, победителей, и никто не скажет почему. Где партия, за которую мы готовы были сложить свои головы. До сих пор нам не разъяснили. Приходится доходить своим умом или обо всем этом постараться забыть.

– Ладно, будем смотреть, как помогать людям, скорее всего, надо повышать благосостояние, заработную плату, жилищные условия. Все то, что можно сделать в условиях одного отдельного предприятия.

– Давайте теперь я доложу о своем цехе.

– Не надо портить впечатление от встречи. И так много у нас информации. А с работой электроцеха разберемся по ходу всего производства. Спасибо, дорогой Павел Семенович, что Вы были, что Вы встретились, и будьте, лучше долго здоровы. В остальном, внимем, будем трудиться.

Попрощались. В приемной, уже собралось много людей, и все считали, что новый начальник здорово прорабатывает Журавского. Шептались. Давно прошел обеденный перерыв. Представленные документы Сибирцев подписывал, не вникая, доклады и другие дела некоторое время не воспринимал, как действительность. Он готовился к этой встрече, еще в первые дни представления старым начальником, узнал Павла Семеновича, но сейчас, будто произошло событие мировой важности, и, действительно, событие встречи и обоюдная неудовлетворенность существующим положением дел выбивали из натопанной колеи движения к завершению важного дела.

От старого руководства осталось много правил и обычаев, с которыми надо было кончать и некоторые вопросы, просто отметить. В большом почете было разбирательство семейных дрызг и неурядиц. К этому вопросу привлекались председатель профсоюза и парторг. Важно принимали жалующиеся стороны, выслушивали жен, мужей, детей и восстанавливали справедливость в семейных отношениях. Это занимало много производственного времени и не приносило пользы ни предприятию, ни людям, которые сами должны решать свои внутренние вопросы.

Пришла на прием по личному вопросу дочь шофера и зам главного бухгалтера. Жалоба на родителей. Не хотят устраивать громкую свадьбу. Предлагают скромно расписаться и пригласить только близких родственников и друзей. А дочь требует организовать свадьбу в ресторане с приглашением полусотни студентов четвертого курса пединститута, где она училась, чтобы все вспоминали, как у нее было богато, широко и весело. И такова была идеология комсомолки, студентки педагогического института. Она восклицала, что не желает «собачью свадьбу», а хочет, чтобы было, как у людей.

Александр Викторович не стал приглашать для соучастия верных помощников, парторга и профорга, понимая, что семья шофера, просто экономически не в состоянии удовлетворить наглые и ничем не обоснованные претензии своей плохо воспитанной дочери. Попросту объяснил свое видение ситуации и попросил больше его по этому вопросу не беспокоить, а родителям он не собирается ничего предписывать и рекомендовать.

И обиженная, ничего не понявшая невеста, бросилась со слезами и визгом в кабинет к профсоюзному деятелю. Неизвестно, о чем там были разговоры, на попытку выяснить позицию начальника пришлось резко оборвать и парторга и профсоюзного деятеля. Им стоило заняться делом, а не изображать деятельность, разбирая семейные склоки. Доходило до смешного. Во время приема по личным вопросам надо было устанавливать порядок и очередность уборки мест общественного пользования для семейств, проживающих в коммунальных квартирах. Пришлось заменить коменданта жилкомхоза. На ближайшей планерке начальники служб и отделов, а также цехов были слегка удивлены, что знаменитое кресло директора, специально изготовленное сантиметров на двадцать выше остальных стульев, отсутствует. Его новый начальник приказал разделать на материал для мангала в рабочую столовую. С этого кресла предполагалось старым начальником обозревать своих подчиненных свысока. Вроде придавало большего авторитета. Новый директор сидел на обычном стуле, как все.

Первый вопрос, на котором заострил внимание Александр Викторович, был в виде распоряжения, чтобы никогда не рассматривать на служебных и других совещаниях темы, не касающиеся производства. Для решения семейных дрызг существует народный суд. И никто больше.

Перешли к производственным вопросам, и оказалось, что и пиломатериала нет, и тентовой ткани нет, и ряда механических деталей на складе нет, и т. д. Снабженцы на вопрос, почему эти недефицитные материалы отсутствуют, ответили, что заявок не было. А неснижаемый запас? А о таком они не слышали. И приходилось срочно усаживать производственный отдел, технологов и снабженцев для разработки неснижаемого запаса по всей номенклатуре. А по складу проходило 24000 наименований. Конечно, это повлекло за собой на первых порах дополнительные затраты, но впредь сняло целый ряд вопросов. Новый порядок, насаждаемый новым руководителем был сначала в диковинку, но, довольно скоро принес свои положительные плоды, и это быстро стало нормой.

Позвонила дама, отрекомендовалась, как Анна из поселка Пограничный, и сказала, что у нее есть письмо для Александра Викторовича от его старого сослуживца, Грайцера Якова, но она завтра уезжает, а только сегодня есть день, чтобы это письмо передать. Не будет ли Александр Викторович так любезен, и не сможет ли он подъехать к четырнадцати часам к гостинице Дальний восток. Встреча в ресторане, за четвертым столиком по ходу в зал справа. Она там будет обедать с подругой.

Договорились о встрече. Приехал во время. За обозначенным столиком сидели две молодые, лет двадцати восьми – тридцати дамы. Поздоровались. Познакомились. Анна выделялась своим телосложением, не худая и не толстая, типичная спортсменка, как потом выяснилось, мастер спорта по метанию молота, медицинский работник гарнизонного госпиталя. Ее подруга – Хабаровчанка, преподаватель института культуры, Нина. Тоже спортсменка. На кафедре физкультуры.

– Ну, вот видите, я один среди Вас не являюсь спортсменом и не могу похвастаться своими спортивными достижениями, выходящими за рамки низших разрядов гимнастики и фехтования в незапамятные времена.

– Мы Вам не откроем большого секрета, сказала хабаровчанка, но среди женщин и девушек спортсменок мужчины-спортсмены никогда не котировались и не считались интересными мужчинами. И это обусловлено и подтверждается многими научными трудами и однобокостью развития. Так, что Вы у нас именно настоящий.

– очень приятно, что Вы обо мне так хорошо думаете, сказал Александр, распечатывая письмо.

В письме ничего особенного, кроме того, что старый сослуживец выражал похвалу и удовлетворение тем, что Саша, наконец, получил то, к чему стремился все предыдущие годы и это будет главная веха в его служебной карьере. И, наверное, ему больше и не надо. С приветом...

А в это время девушки уже налили коньяк, «за знакомство», надо было обедать, раз пришел, и обедали, долго. И пили коньяк. Много. Уже появились музыканты, начали настраивать свои инструменты, приближался вечер, но уже было много съедено и выпито. Нина сказала, что ей необходимо идти, у нее еще одна встреча. Взяла у Александра его телефон. На всякий случай. Анна попросила Сашу проводить ее в номер, да и сам Александр считал, что пора остановиться. Поднялись на третий этаж, зашли в номер, и здесь оказалась бутылка «Советского шампанского», в холодильнике, которое пришлось открыть, и выпить уже на брудершафт, и продолжать целоваться, пока не приступили к раздеванию друг друга. Вместе пошли в душ, уже совершенно раздетые, и мыли один другого, и Анна делала это с большим удовольствием, и в душе произошло грехопадение, иначе и быть не могло, оба были молоды, и оба стремились к этому, и дама умела... Да, она умело руководила своим телом и страстью, и была в раздетом состоянии очень соблазнительной. Плотно сбитый хабитус. Александр был достаточно атлетичен и не посрамил офицерский корпус, и перенес свою даму на кровать, и продолжали. В какой то момент кровать, которая была на колесиках, поехала, от стенки, и их совокупающиеся тела упали на пол, и на голом полу продолжали до логического завершения, потом, с веселым смехом посетили ванную, и вскорости снова были готовы к подвигам на ниве любви, и повторяли, уже, как заученный урок, с вариациями. Вариации уже привносились, исходя из жизненного опыта каждого из них. В один из перерывов Анна сказала: «смотри, Нинка еще та блядища, она не упустит возможности с тобой встретиться и попробовать твоих сексуальных возможностей. Я буду ревновать. Хочешь, я буду привозить тебе себя один раз в месяц. У меня будет возможность командировок»

Александр не возражал. Было уже к полуночи и ему надо было уезжать в свою гостиницу. Уже около полугода он не имел квартиры в центральной части города. Он вызвал машину. Попрошались.

В офицерскую гостиницу на Пушкинской он прибыл еще до закрытия дверей, в эту ночь спал, не просыпаясь, в семь часов был на ногах и пошел на завод пешком. Там было расстояния от гостиницы около двух километров, и пройти по свежему воздуху после вчерашних приключений было и полезно и приятно. Обошел территорию вверенного предприятия и был готов к постановке задач тыловым службам по наведению внутреннего порядка и ремонту заборов, которые уже давно следовало заменить.

Позвонила вчерашняя Анна. Попрошаться, заодно ее волновала Сашина заинтересованность ею и ее прелестями. Обижать женщину не в правилах Александра, и он дипломатично отвечал и не настаивал на скорейшем ее приезде для повторения вчерашнего дня. И пусть этот прекрасный день и эта встреча останутся в памяти их обоих, как лучшие мгновения жизни.

Александра сейчас больше волновали земные вопросы, как произвести коренную реконструкцию, не имея на это перспективного плана и денег. При непредусмотренных и не утвержденных свыше перспективных планах, отсутствии финансирования, проектирования и госэкспертизы. Дальше так завод существовать не мог, он загнивал и разлагался самим фактом своего застоя в развитии и непрерывном согласовании снижения производственных планов. А развивать технологию и, соответственно, увеличивать план было уже много лет невозможно. Необходимость роста подтверждалась обилием заказов, которые поступали от министерства без учета возможностей предприятия и его оснащенности.

Обращение к непосредственному начальнику, генералу Шеину оказались не только бесполезны, но вызвали благородный гнев вышестоящего, который боялся собственной тени. Рас-

сказывали о нем анекдот, что он проснулся ночью, увидел генеральские лампы, вскочил, принял стойку смирно, и только через несколько минут сообразил, что вытянулся в почтительный «фрунт» перед своими штанами. Такой начальник помочь не мог.

Подсказал, как действовать самостоятельно, на свой страх и риск, все тот – же умнейший и уже, к сожалению, старый, полковник Яцура из Главного квартирно – эксплуатационного управления. Весь фокус предлагаемого был в том, что нужно раздобыть типовой проект желаемого сооружения, размножить, произвести привязку к местности силами ЦПИ (центрального проектного института), все за счет текущих расходов завода. Создать в масштабе завода довольно большую ремстройгруппу, и начинать строить не спрашивая ни у кого. Спросишь – испугаются, что надо помогать, и запретят. Не спросишь, построишь – накажут, но и похвалят. А может быть, и не накажут. Пошумят. Деньги будут возмещены все тем же КЭУ, поскольку строительные части Министерства уже с добрый десяток лет не осваивают выделенные им средства, и они готовы в свою отчетность задним числом включить любые нетитульные объекты. На следующий производственный год в те времена деньги войскам и предприятиям планировались от достигнутого в предыдущем, отчетном году. Плюс небольшой процент.

Помогла командировка по плану Москвы в Харьков, для ознакомления с модной тогда «научной организацией труда». Собрали туда всех директоров оборонных заводов. Учить. Каждый увидел то, что хотел. Александр увидел новое типовое здание заводоуправления. Три этажа. Ничего особенного, но отдельно стоящее, первый этаж занимала заводская столовая, второй – собственно заводоуправление, третий – клуб. Здание со встроенной проходной. Это было именно то сооружение, которое могло решить вопрос сгоревших частично бытовых помещений и создать самостоятельный пищеблок с возможностью снабжать рабочих продуктами питания, которые в торговой сети Хабаровска были сплошь дефицитны.

И в голове молодого директора создан план начала строительства бытового корпуса с последующим переигрыванием, бывшего заводоуправления, примыкающего к цехам, с теплыми переходами – в бытовые помещения со всеми службами и душевыми, и медицинским пунктом, а управленцев перевести на законное вновь построенное место. Пусть пока начальство знает, что строится бытовой корпус, так будет легче воевать с несогласными. Достаточно с них потребовать титул на строительство бытового корпуса – и все замолчат. А, так, хозяйственный способ, и Сибирцев хозяин. Хороший хозяин.

Получить в Харьковском проектно институте желаемый проект стоило пары коньяка и одного дня задержки в командировке. В остальном, командировка была бездарной, показывали не научную организацию труда, а близкую к нормальной. Заслуга полностью директора, серьезного и хозяйственного полковника Монархо. К сожалению, Монархо через пару лет умер у себя на даче, пос. Занки, под Харьковом, наклонился к растению, упал, и принял смерть от обширного инфаркта. Подобная смерть постигла и Киевского директора, Люксютова, еще через пару лет. Хотел обкопать дерево. Стоит сделать вывод, не берись за несвойственную тебе работу.

Хабаровский ЦПИ с удовольствием за деньги произвел привязку нового сооружения к местности, сделал корректировки в фундаменте согласно грунтам, за это время была создана ремстройгруппа, которая уже через три месяца после возвращения начальника приступила к закладке первого камня. За эту работу взялись уже хорошо знакомые военные строители, которые рады были оказать, тоже за плату, услугу хорошему парню, да еще имеющему возможности на взаимные услуги. Прибывала техника, краны, шел сборный и товарный бетон, фундамент вырос быстро, непосредственное командование побывало на заводе в конце декабря, уже шла кирпичная кладка стен второго этажа. Шум, скандал, проверять деньги, ревизия, а деньги были уже восстановлены и строительству уже был присвоен титул капитального и определен подрядчик. Громко, еще ничего не зная, шумел генерал Шеин, обещал пожаловаться в Москву, но, когда ему ревизоры доложили, что строительство идет за деньги Дальневосточного округа,

и что бытовой корпус заводу необходим, в Москву доносить было нечего. Заводской амортифонд и другие фонды не пострадали. И заводоуправление росло уже силами военных строителей, а действующее заводоуправление параллельно стали реконструировать в комфортабельные бытовые помещения. Немного уплотнились, ненадолго, силами созданной ремонтно – строительной группы сделали воздушные теплые переходы в цеха. Раздевалки, душевые, склад спец одежды, прачечная, медицинский пункт с полным набором физиотерапевтических приборов и зубоучебный кабинет. Все эти мероприятия проводились одновременно, весь только что проверенный амортифонд был снова израсходован, но к весне. Каждый рабочий получил два металлических, несгораемых шкафчика для чистой и грязной одежды, мог спокойно закрыть чистую одежду в отдельном шкафу, грязную одежду по мере потребности заменить на чистую, вся одежда была пронумерована и закреплена индивидуально. Выдали сразу каждому по три комплекта спецодежды..

И когда пришла директива из Москвы, перечислить остаток средств по счету на такой – то счет, то был отправлен отчет о затратах, и ничего больше. Обошлось. Люди впервые стали чувствовать себя людьми. А фонд социально культурных мероприятий был использован для удешевления питания в заводской столовой. Это сразу увеличило количество питающихся и оборот средств по столовой военторга.

Контакты с коллегой. Московская комиссия

Глава 4

Завод – смежник находился на полпути от центра, если ехать на Красную речку. С самого начала между двумя директорами установились приятельские отношения. Они не могли быть конкурентами ни в одном вопросе и только являлись надежными партнерами, готовыми прийти в любой момент на помощь друг другу.

Руководил заводом опытный, хорошо знающий свое дело человек, сорока с небольшим лет, Махнин Андрей Павлович. Высокого роста, слегка косолапый, с обувью сорок шестого размера, пепельного цвета волос, густые брови. Никогда не спешил высказать свое мнение, но если его спрашивали, то всегда, по любому поводу он мог вбросить в разговор море юмора и сарказма, даже. Беззлобно, но всегда находил в любом действии людей смешное. Говорил басом, лицо бесстрастное. Слегка сутул, как все высокие люди. Начальство воспринимал, как необходимость терпеть и выслушивать, и делать по – своему. От него никогда и никто не мог дожидаться слепого повиновения. Все его существо вызывало уважение, друзей не имел, и не стремился сблизиться ни с полезными, и, тем более вредными людьми. И лестно было его внимание каждому, и рабочему, и подчиненным начальникам цехов, и управленцам выше-стоящего штаба. Но внимания он не уделял своим начальникам и, желающим с ним общаться клеркам от управленцев. С уважением относился и прислушивался к бывшему, десять лет тому, директору своего завода Соловьеву Леониду Викторовичу, после ухода на пенсию тот не забывал любимого им предприятия.

С новым коллегой у него сложились взаимоотношения доверительные, и чувствовалась взаимная симпатия. В тот день он позвонил Александру, и, свойственным только ему говором и интонациями, произнес: «вот послушай, Александр, нам надо сегодня встретиться. Желательно сразу после обеда. Приезжай, буду ждать часов в четырнадцать. Пообедаем у меня.»

Было понятно, что встреча должна произойти сразу, после того, как закончится обеденный перерыв у работников заводов. И Александр Викторович, закруглив свои дела, предупредил секретаря, что он у Махнина, выехал в сторону Красной речки. Ожидалось нечто интригующее.

Андрей Павлович ждал гостя.

– Понимаешь, такое дело, мне сегодня исполняется сорок пять лет, и когда я стал думать, с кем начинать свой праздник, то оказалось, что кроме тебя никого и приглашать не стоит.

– Андрей Павлович, предупредить заранее было бы интереснее, хоть открытку поздравительную написал бы. Чувствую себя неловко.

– Ловко. Сейчас зайдет ко мне бухгалтер, посмотри, пожалуйста на нее, как на женщину, а потом мне скажешь свое мнение.

Позвонил секретарю, дал распоряжение вызвать бухгалтера – расчетчика по заработной плате. Через несколько минут вошла. Нечто среднее между ангелом, феей и весьма эмансипированной светской дамой. У них с директором был незначительный и, довольно быстрый разговор о нормах и их применении в текущем месяце. Все, обговорили, ушла.

– Ну, как ты ее видел, Александр. Это я, похвалиться, какая у меня любовница. За мужем, но это нам не мешает. Даже лучше, что человек пристроен, а своей жизнью надо жить. И мы, по возможности, живем. Говори, на трезвую голову, твое мнение. Видишь, я тебе сколько доверил.

– Я Вам завидую, Андрей Павлович. Очень приятная особа, хорошие внешние данные.

– Хочешь, пройдемся по производству.

– Конечно, это меня интересует всегда.

– Ну, нет, сначала пообедаем. Нас ждет заведующая столовой. Потом, если будем очень трезвые, побываем на производстве.

Пошли в столовую. Уже давно обеденный перерыв закончился, обеденный зал закрыт и убран. Вошли через кухню, сели за накрытый стол. Появилась заведующая, средних лет дама, довольно интересная, с пышной прической, уверенная в себе, принесла водку, запотевшую бутылку, минеральную воду, пригласила приступить, а когда подавать горячее, чтобы ее кликнули, она будет неподалеку.

Александр предложил, на правах приглашенного, выпить за день рождения хозяина, и чтобы ему всегда везло в делах и в любви, и, чтобы... и так далее. Выпили с удовольствием. Сразу налили по второй, под хорошую заливную рыбу, была осетрина. В жиле. Приготовлена мастерски. Андрей Павлович был рад компаньону, и был рад, что может говорить о самом сокровенном. А сокровенного было много. Накопилось.

– Ты видишь, что и заведующая столовой – ничего. У меня было с ней некоторое время «чего», но уж очень быстро она начала строить планы на будущее, а в мои планы это не входило. Пришлось потихоньку убедить ее что я не очень состоятельный мужчина, что могу только изредка, и то с новой женщиной, и пусть она успокоится. Это было года три назад, слава богу, она вышла замуж за одного из моих мастеров. Теперь живет семейной жизнью, довольна, а время от времени встречаемся. Редко. Не чаще одного раза в два месяца. Уже без планов на будущее. Зоя! Так что у тебя на горячее, да сразу и второе несите, чтобы мы вас не задерживали.

Появилась Зоя, как по мановению волшебной палочки, такое впечатление, что она стояла с тарелками полными борща на подносе у самого входа в обеденный зал. И сразу ей передали из кухни блюдо с жарким, жаренное мясо, свинина, и жаренный во фритюре картофель. На отдельной тарелке нарезанные свежие огурцы, еще закуски, старые убрали, размах был на длительный обед с крепкой выпивкой. Но больше одной бутылки водки пить не стали, а блюда все были оценены едоками по достоинству.

– Вот послушай, что я тебе скажу. Понимаешь, ты, вроде на пять лет моложе меня, и хочу поделиться с тобой своими умозаключениями. Сейчас я пересматриваю все шаги своей предыдущей жизни, и прихожу к выводу, что все, что я делал до сих пор – правильно. Себе нельзя в жизни отказывать. Особенно в приятном. Ведь мы с тобой почти круглосуточно трудимся на благо своей Родины, а Родина, в лице некоторых, не очень благодарна нашим усилиям. Делай план, не делай план, а благодарность одна. Только и того, что если отстающий – то слегка поругают, и план снизят. Планирование при социализме, ведь, от достигнутого. Значит, уже завод достиг своей невозможности, а директор – своей некомпетентности. А любимых женщин нельзя оставлять неудовлетворенными, и себя нельзя оставлять неудовлетворенным, и план, производственный, надо выполнять, чтобы меньше на тебя обращали внимания. Начальство и партийные органы. Давай, что ли, еще по рюмке.

Выпили. С удовольствием. Вообще в этот день пилось с удовольствием.

Пойдем, тебе надо позвонить своей жене. Жду вас у себя дома часов в восемь. Предупреди супружницу. Поговорим в кабинете. Зоя, спасибо, ты добрая была и осталась.

Из кабинета директора Александр позвонил своей жене на работу, предупредил, что они приглашены в гости, и отказываться нельзя. Положил трубку.

– Вот смотри, сказал Андрей Павлович, смотри в окно. Видишь, идет через двор, какая фигуристая. Мастер Света. Была слесарем, на изготовлении тентов. В цехе одни женщины. На восьмое марта в позапрошлом году зашел их поздравить, а там огромный раскройный стол накрыт по – банкетному. Начальница цеха сразу распорядилась, чтобы Света за мной ухаживала, так ее посадили рядом со мной. Праздновали весело. До темна. Живут все рядом с заводом. Даже не знаю, как я пошел со Светой, вроде проводить до дому. Проводил, знаешь, как бывает, чайку попить. Попили почти до утра. А она давно без мужа. Изголодалась. И такая, что

и не захочешь, а будешь, как мужчина на высоте. Несколько раз мелькала мысль, вроде того, что меня девки из цеха подставили, но, все было очень откровенно, и от всего сердца, и заподозрить в нехорошем никого нельзя было. Ушел под утро. Часов в пять. Хорошо, что с вечера предупредил жену, мол, срочный заказ, всю ночь буду в цехе, чтобы не волновалась. Обошел всю территорию, сходил в баню при котельной, освежился, зато видел, как несет службу охрана, дежурный, порядок в цехах с ночной сменой. Иногда полезно. Голова слегка кружится с усталости и вчерашнего похмелья, но, еще не старый и не больной, держался до обеда, старался долго на одном месте не задерживаться, чтобы не расслабиться и не задремать. В обеденный перерыв вижу, Света сидит в садике, в красивом платье, куртка наброшена поверх платья, еще у нас морозы, небольшие. Но ей не холодно, греет хорошо проведенная ночь. Подошел на минутку, обрадовалась. Сказал, чтобы шла в цех и не простуживалась. Спрашивает: «И все?». Пришлось сказать, что все. Не мог же я давать ей надежду на продолжение отношений. Постоянная любовница у меня была, и не хуже, и замужем, безопаснее. Потом, через полгода я ей предложил должность контрольного мастера. Она грамотная, техникум машиностроительный. Кадровики уже давно предлагали ее выдвигать. А тут такой случай. Она помнит. Всегда смотрит особенными глазами. И жилищные условия ей улучшил. У нее сынок уже большой. В общем, между нами невидимая нить симпатии. Грешен, и рассказываю тебе не зря. Думаю, и ты не промах, да и у тебя жизнь одна. Тебе надо знать, что без личной жизни ты не сможешь выдерживать то напряжение и эмоциональную нагрузку, которая ложится на современного директора в наших условиях. И враг №1 и Враг №2, и Рейгономика, все требует твоей продукции для готовности в противостоянии. Будет тебе тяжело – встречайся с любимой женщиной, а если не помогает, то посмотри полчаса на воду, у нас река большая, а лучше – обними дерево. Всегда легче станет.

– Андрей Павлович, я благодарен Вам за Ваши откровения, но не окажется, что я не тот человек, с которым можно откровенничать?

– Не окажется. Есть определенная общность людей, у которых нет секретов друг от друга. Вот эти люди, и я в том числе, уже лет пять изучали твое личное дело и твое поведение. Все мы выпускники одной академии, все делаем одно дело, и, даже если не дружим то все равно помогаем друг другу. За это время ты с десятков раз встречался с каждым, кроме меня, и все тебя воспринимают как своего, настоящего и человека и работника. Хотя, мы, в основном, ценим друг друга по делам. Твои прежние дела тоже знаем.

– Понятно. А у вас в гостях они будут, сегодня?

– Нет только ты с семьей. Хорошо, что ты недавно получил квартиру за два квартала от меня. А с сокурсниками мы встречаемся только по делу, и тому есть много причин. А иметь доверенного человека всегда хочется.

– Наверное, мне пора. Пока доеду, заглянуть на завод надо, да и собраться с женой.

– На посошок, что ли? Давай, по маленькой.

– Давай.

Выпили, зажевали стоявшими на столе крабами, попрощались до вечера.

Дома у Махнина жена с маленькой дочкой приготовили сюрпризы, подарки, праздничный стол был наполнен яствами, так, что пришлось ими заполнить еще и журнальный столик. На нем же стояли и напитки в большом количестве. Поздравляли именинника, ребенок в подарок отцу танцевал новомодный танец, увиденный по телевизору и поставленный мамой, как хореографом. После сладкого пели песни, мама повела ребенка укладывать спать, а Андрей Павлович все не отпускал гостей, пили уже более легкие, но не такие уж безобидные напитки. Ребенок, полный впечатлений и уставший от помощи маме, быстро уснул. Жена Андрея присоединилась к гостям. Попили кофе, разъехались по домам, памятуя, что завтра еще и рабочий день.

Как результат наблюдений оказалось, что в семье Андрею не легко и он слишком спокойно, скажем даже, безразлично относится к своей дочке. Эту мысль высказала Александру

жена по пути домой. «Ты бы уже за время этого вечера не один десяток раз поцеловал ребенка, а здесь отношение холодновато».

Значительно позже Александр с Андреем обсуждали эту проблему. И оказалось, что эта проблема, действительно, существует, и здесь ничего не изменить, и хорошо, что и так взаимоотношения достаточно теплые. Причина полностью в тот раз не была вскрыта.

Ближайшие совещания директоров показали неоднозначные взаимоотношения между предприятиями, хотя, делить, по большому счету было им нечего. У некоторых ревность, у некоторых – зависть к более удачливым, и надо было благодарить Бога, что между Александром и Андреем установились отношения, близкие к дружественным.

На следующий день им пришлось встретиться снова, и по тому же поводу.

Звонок. Секретарь просит взять трубку, звонит Махнин.

– Александр! Брось все дела на главного инженера, давай ко мне. Здесь прилетели ребята с нашего главка, внезапная проверка. Нас с тобой проверять. Приезжай по адресу: улица, дом, квартира. Здесь мы.

Это была квартира в заводском доме, которую Андрей Павлович держал в резерве, использовал в качестве гостиницы для приезжающих офицеров из войск на завод, и иногда мог использовать для своих личных нужд. Без этого в те поры было нельзя, и пришлось неоднократно сожалеть, что Александру бывший директор ничего подобного не оставил. Все это пришлось создавать заново, и было тем ценнее.

Приезжих оказалось трое, все знакомые лица, во главе с генералом вооруженцем, который этот день использовал для решения личных дел и отпустил свою команду до завтрашнего дня. Полковники знали что делать. У них с давних времен были налажены связи с доверенными начальниками, а здесь еще и повод – день рождения Махнина. Возможности Андрея, как именинника, и как хозяйственника, и, просто гостеприимного человека, были использованы на сто процентов. Анатолий имел с собой дюжину коньяка с шампанским в машине, но его участие пока не понадобилось. Все были уже хорошо веселы и все было на высоте. Через часа три возлияний захотелось проветриться, побывать на берегу речки, подышать свежим воздухом, постоять над обрывом, помечтать, повспоминать...

Властью, данной директору завода, было объявлено, что едем на двух машинах на протоку Казакевичево, поселок Бычиха, там зона отдыха и пионерских лагерей, которые в настоящее время не работают, и лес над Уссури свободен от детей и от посторонних. А еще там недалеко санаторий «Уссури», и если будут желающие, то можно будет посетить и отдыхающих дам. Но желающих не объявилось, хотя решение Андрея было принято на ура». Поехали. Это была недлинная асфальтовая дорога, только до поселка Казакевичево, дальше погранзастава, и грунтовая дорога вдоль реки, по которой ездили только пограничные подвижные патрули и развозили по берегу посты. Через пять километров после санатория дорога была закрытой для свободного проезда. Рядом с санаторием был небольшой ресторан деревенского типа, здесь всегда кормили Амурской свежей рыбой, и можно было выпить слегка, отдыхающим в санатории.

Проехали прямо по территории санатория, к берегу, санаторием руководил хороший знакомый Махнина, пожилой главврач, хороший хозяйственник и абсолютно некоммуникабельный человек. Поселок состоял из его сотрудников, других предприятий в этом населенном пункте не было.

На берегу пустынно. Шофера развели костер. Воздух был прохладным, свежим, именно то, чего желали наши гости. Разбрелись по пустынному берегу. Каждому его состояние единения с природой было приятно.

К берегу, рядом с костром, подошла рыбацкая лодка. В лодке находились три нанайца. Интересный, своеобразный народ. О нем позже, в середине повествования, когда мы посетим нанайскую деревню. Спрашивают у шоферов:

- Кета с икрой нада?
- А вам что надо? – Спросил водитель Александра, уже пожилой и опытный.
- Сямпаньськава нада.
- А хуй вам не надо?
- Нет, хуй не нада, сямпаньськава нада.

В разговор вмешался, бывший неподалеку Александр. Шоферу:

– Леонид Федорович, дай им бутылку шампанского, мы же взяли вместе с коньяком, а наши гости коньяк пьют.

– Они уже обнаглели, Александр Викторович, со своей икрой. Я сам шампанское пил лет десять тому назад, а им, подавай.

Все же Леонид Федорович сторговался, и отдал за пять самок с икрой бутылку шампанского. К удивлению начальника, его шофер был во всеоружии, достал из багажника небольшой грохоток (специальное сито, с натянутой крупной леской и ячеей в пять миллиметров). Через это приспособление легко отделить икру от ястыковой пленки, и, распорядившись водителю второго начальника, солдату, греть до закипания на костре воду, приступил к работе. Не успела вода закипеть, а икра к посолу была готова. В этой работе активное участие принимал и сам Александр Викторович, старый островитянин и большой мастер в приготовлении икры и других рыбопродуктов, чем немало удивил своего шофера.

Закипевшую воду довели солью до состояния насыщенного раствора, чем значительно охладили получившийся тузлук, для большего охлаждения поставили бачек в проточную воду, у самого берега. Через пять минут тузлук был охлажден до состояния парного молока и готов к применению. К этому времени уже все, и гости, и Андрей Павлович сосредоточились вокруг действующих, один шофер поддерживал огонь в костре, второй водитель со своим директором занимались засолкой икры. Икра была готова не более, чем через десять минут, вместе с действием, по ее процеживанию через марлю, изъятую из шоферской аптечки. Вывалили из солдатского бачка в марлю, завязали узелком и подвесили стекать на клык бампера «Волги».

На капоте машины оборудовался импровизированный стол. От запекания кеты в костре и приготовления шашлыков, к которым все было с собой, все дружно отказались. Рыбы было килограмм двадцать, и один из москвичей высказал мысль, что эту бы рыбу, да в Москву, можно и семьи накормить, и соседей угостить. Им пообещали, что без рыбы они не уедут, только надо знать, когда и каким самолетом, чтобы хорошо заморозить, хорошо упаковать, и она хорошо доберется до столицы нашей родины, а, пока, к столу, то есть к капоту. Готовой икры получилось не менее двух килограмм, да с собой были и другие холодные закуски. Москвичам дали каждому по столовой солдатской ложке, налили по полстакана коньяка, закусывали слабосоленой икрой от пуза. Все располагало. Когда налили по второй, к ним подошел пожилой человек, небольшого роста, в рабочей куртке, но виднелась белая рубашка с галстуком, что говорило о присущем ему интеллектуальном труде. Спросил, все ли у его гостей в порядке. Андрей Павлович представил прибывшего, как главврача санатория. Познакомились. Григорий Семенович Звягин. От коньяка уклонился, хотя налитым чокнулся, вежливо попробовал качество икры. Сказал, что отдельные номера для каждого из приехавших готовы, так, что можно продолжать ужин, а как стемнеет, их дежурный врач устроит. Если понравится, они могут здесь жить весь период своей командировки. Расстояние до Хабаровска небольшое, по автомобильным меркам, их можно привозить и увозить в любое время. На том новый знакомый удалился, пожелав приятно провести время.

Один из контролеров сказал, что он уже беспокоился, а будут ли свободные места в гостинице, а здесь такая удача. Решили первую ночь переночевать здесь, тем более, что их вещи находились в багажнике машины Андрея Павловича. А понравится, так отсюда и не съезжать. Хозяин гостеприимный. И здесь все обратили внимание на окружающий мир. Заходило солнце. Оно своими лучами падало на осенние деревья, которых еще не коснулись первые

морозы. Но биологическое время и температура воздуха окрасили их во все цвета осеннего багрянца. От светло-желтого до вишнево – красного. Преобладали бордовые тона. Ветер, который досаждал весь день, будто зная, что он неприятен отдыхающим на берегу великой реки людям, стих, почти исчез. Любовались на осенний лес в лучах заходящего солнца недолго, солнце скрылось там, куда оно прячется ежедневно, за рекой, на западе, и стало темнеть быстро. Начали собираться. Это получилось быстро. Через несколько минут уже были у центрального входа. Их приветливо встретили, всех разместили в отдельных номерах на первом этаже, офицеров пригласили на танцевальный вечер, который состоится в девять часов вечера в клубе, но ребята были и без того впечатлены и уставшие, да еще смена временного пояса. Да все были в военной форме. Неудобно. Решили сразу ложиться отдыхать. Неизвестно, получилось – ли, хотя каждому для того, чтобы они себя чувствовали увереннее, оставили бутылку коньяка и конфеты. На следующий день коньяка не оставалось, все члены комиссии жаловались, что не могли на новом месте спать, пришлось мучиться бессонницей. Завтрак им был подан в номера, чтобы они своей формой не смущали отдыхающих. Но среди женской половины отдыхающих все равно пошла молва, что приехали москвичи, серьезные офицеры, и угощают коньяком. Откуда узнали, непонятно. Но наша комиссия очень пожелала и впредь, до конца командировки проживать в этом санатории. Их пожелания, несмотря на сложности с ежедневной их доставкой к месту отдыха и в семь часов утра их забирать, как говорил Леонид Федорович «оттеда», было несколько сложновато. В тот день для стимуляции их работоспособности пришлось дать по рюмке настойки жень – шень в смеси с пантокринном. Помогло. Да и возглавлявший комиссию генерал не мог никак определиться, в какой гостинице они проживают. Ему это было и не очень нужно, его хорошо занимали коллеги со штаба ДВО.

Проверяющие уже два дня работали на заводе у Андрея Павловича, один раз к ним приезжал их старший начальник, Нарушений финансовой дисциплины и незаконных трат выявлено не было, на третий день они должны были приехать к Александру Викторовичу. Продумано было все заранее, за ними отправлено две легковых машины, но их приезд был сильно запоздалым, в начале дня полковники захотели побывать на «Стрелке», в месте встречи Амура с Уссури. Это красивое место, и по центру горда, прямо к набережной можно проехать по Амурскому или Уссурийскому бульварам, которые идут параллельно и кончаются у самого берега. Довольно окультуренное место. И начали они свой рабочий день с приятной прогулки.

Появились на заводе к одиннадцати часам утра. Затребовали для проверки документы из бухгалтерии и планового отдела, рассажены были для удобства общения в одном кабинете. Просили до обеда не беспокоить. Да обед был уже не за горами. Через два часа. Пошли обедать. Конечно, новый директор постарался, чтобы меню удовлетворяло всем, самым взыскательным вкусам.

Наиболее громким из членов комиссии был полковник, по фамилии Тихий. На вид здоровый мужик, килограмм под сто двадцать, широкий в плечах. За обедом выпивал два бокала водки, но это не влияло ни на его лояльность, ни на работоспособность. Работал с документами до того самого времени, когда надо было идти на ужин, и уже выпивать без ограничений. Другие два его коллеги были значительно воздержаннее, хотя работали не меньше, и даже тщательней, чем он. Потом шутили, что он, Тихий, в санатории пил свой коньяк в одиночку, чтобы не истратиться на прихожанок. А желающие и прихожанки были, несмотря на его огромную лысину, которая багровела вместе с лицом после пропущенной хорошей порции алкоголя. Но интересы полковника Тихого были значительно уже.

Когда кончался первый день работы комиссии, уже Тихому было ясно, что он напал на след предприятия, которое в центр не перечислило ни копейки из своих фондов. Это его возбудило, но и на второй, и на третий день работы он не смог доказать незаконности затрат. Спорил со своими коллегами, и ему просто сказали, что будь и другие предприятия министерства столь же оборотистыми, хозяйственное положение их значительно улучшилось бы. Кри-

минала нет. Факт отсутствия свободных средств на счетах был отмечен, но без каких бы то ни было выводов.

Комиссия завершила свою работу, составила на то документы, получила желаемое и благополучно убыла. А Александр Викторович имел возможность познакомиться с новыми своими руководителями из центра и получил практику в полезном общении.

Заканчивался производственный и календарный 1971 год. По существовавшим в те поры законам и правилам, предписанным директивами, офицер должен был отгулять свой отпуск только в текущем календарном году. Это должен был сделать и новый директор. А положение дел на предприятии было не такое, чтобы можно было его оставить на длительный срок. Месячные и годовые планы выполнялись только усилиями командования. Уедешь – усилий не будет. Главный инженер – крайне не надежный, вечно выпивши или с похмелья. В производство и его ход вмешиваться не приучен и не желает. И пришла мысль устроиться для отдыха в санаторий Уссури, и каждый день иметь возможность бывать на производстве. И пусть начальство и семья думают, что Александр отдыхает. Это даст возможность благополучно завершить производственный год, обеспечить ритм и такт производства на следующий.

Григорий Семенович с удовольствием выделил для завода льготную путевку по профсоюзной линии, и уже двадцать восьмого декабря санаторий принял нового отдыхающего, готового к лечению от придуманной невралгии. Перед новым годом корпуса санатория были полупустыми, отдыхающие будут заезжать через несколько дней после нового года. С лечащим врачом, Надеждой Михайловной было обговорено в присутствии директора санатория, что этот отдыхающий имеет свободную систему проживания и лечения, и не обязательны ему лечебные процедуры и другие мероприятия, которые обязательны другим отдыхающим.

И первый заместитель. Главный инженер завода

Глава 5

После процедур оформления, устройства в так называемой палате, первого обеда и первичного знакомства с персоналом, Александр выехал к себе на работу, хоть ненадолго. Взглянуть, как идет борьба оставленного без директора предприятия за выполнение годового плана, к завершению которого оставалось два полных рабочих дня, не считая нынешнего. Приехал около четырех часов дня, рабочий день уже шел к завершению, мастера формировали бригады, которые должны будут оставаться сверхурочно, в кабинетах администрации складывались бумаги и гадали, а будет ли квартальная премия. Но кабинеты Александра интересовали мало, его интересовал график выпуска продукции, насколько реально выполнить поставленные перед собой и цехами задачи. Состояние дел было не катастрофическим, но, очевидно некоторым подразделениям придется работать весь день тридцать первого декабря. И Директор уже запланировал себе в этот день быть с рабочими до конца.

Один кабинет, все же, Александр вынужден был посетить и получить отрицательный заряд эмоций. Кабинет напротив своего, главного инженера, из которого доносился шум и звон стаканов. Главный инженер со своим сокурсником по академии, майором Леней праздновали убитие начальника в отпуск, и предстоящую свободу в своих действиях. Были и другие гости.

Свободы не получилось. Появление начальника произвело эффект взрыва. Несколько минут была тишина, никто не мог произнести ни слова, потом, пошли робкие оправдания. Пришлось всех попросить покинуть завод. Немедленно. Компания, человек пять собутыльников, с большой неохотой поднялась из за стола, упившиеся и давно спевшиеся люди распахивали недопитые бутылки по карманам. Кто-то собрал в имевшийся у Павлова солдатский вещевой мешок остатки закуски, видно было, что они не собираются так просто и сейчас прекратить пьянство. Но это было уже не интересно Александру, он знал всему меру, и был человеком, которому были присущи человеческие слабости, но такое поведение подчиненных, в такой ответственный период показало, что здесь доверять некому. Он всегда исповедовал истину, провозглашенную дедушкой Крыловым: «Ты пей, но дело разумей».

На проходную была дана команда не выпускать служебную машину главного инженера. Благо, Павлов жил через дорогу от завода, в заводском доме. Наверное, это распоряжение сорвало планы компании, но выпускать пятерых нетрезвых офицеров в город, на машине, да еще с целью, имевшейся у них, продолжать праздник, было неразумно. Разбираться с этим случаем Александр не собирался, его волновал только производственный план и благополучное завершение года.

Но к Сибирцеву с шумом возвратились Павлов и его друг, требовать машину. Они хотели выехать на природу. Это уже на тот момент, нетрезвые, и в конце дня. Пришлось предложить подождать пятнадцать минут, пока Александр вызовет комендантский патруль. Оба друга мгновенно слегка протрезвели и быстро, пешком, удалились. Таким образом друзья испытали нового директора на податливость и подчиняемость толпе. Как потом стало известно, допивали в подъезде дома, где жил главный инженер. Пока жены не разогнали. Уже со скандалом. Правда, у майора Лени никогда не было жены, у старшего брата никогда не было жены. Друзья все его допрашивали, а у твоего отца, была жена? На что он отвечал, что да, была, но в деревне, в Тамбовской области, а здесь в городе жена слишком много требует затрат. И достаточно вспомнить, что зарабатываешь на чужую тетку, так сразу пропадает желание жениться.

А нашему отдыхающему в отпуске директору пришлось организовать до конца второй смены присутствие на производстве начальника технического отдела. Начальник производственного отдела тоже был не способен руководить, уже по причинам своей неспособности.

Александр возвращался в санаторий уже к десяти часам вечера, и водителю наказал завтра быть к девяти утра, потом весь день ему отдыхать, а вечером, к санаторному ужину надо вернуться. Так он и проводил свой отпуск до нового года, новогоднюю ночь встречал в кругу семьи, жены и дочери —десятиклассницы, что было традицией уже много лет. Второго января вернулся в санаторий, чтобы отметить и продолжать работать, наезжая к себе на завод почти ежедневно.

Не обошлось без романтических событий. Однажды его выловила зам главного врача Надежда Михайловна и предложила к ней зайти, чтобы хотя бы завести медицинскую карту, ведь он числится у них по списку отдыхающих. Должна быть и медицинская карта с материалами обследования. Пришел. Его посадили на стул, допросили, как допрашивают во всех силовых структурах, про фамилию, про болезни, про болезни родственников, про семейное положение, про здоровье семейного положения. Все. Потом, предложила раздеться до пояса и лечь на кушетку. Долго выслушивала, измеряла давление, пробовала на ощупь каждую мышцу, ее действия напоминали не осмотр врача, а попытки ласкать желаемого, но не очень знакомого человека. Руки врача постоянно касались тела Александра и, казалось, врач никогда не отпустит своего больного. Хотя, больной чувствовал себя совершенно здоровым. Диспансеризации в частях происходили систематически, два раза в год, и, если бы были малейшие подозрения на заболевание, то уже лечили бы серьезно.

Надежда Михайловна, наконец, закончила обследование больного, разрешила ему одеваться, и стала что то записывать в листок истории болезни. Ее действия напоминали состояние человека, которому необходимо успокоиться. После сильного стресса.

Заместитель главного врача была очень интересной и очень квалифицированной женщиной – врачом. Ее знали постоянные пациенты, приезжающие со всего Дальнего Востока, и многие сразу просили назначить ее в качестве лечащего врача. Небольшого роста, густые черные волосы, из которых можно соорудить любую прическу, густые черные брови, чистое лицо сорокалетней женщины, не злоупотребляющей, за ненадобностью, парфюмерными и другими веществами. Сквозь открытую улыбку всегда виднелся ряд ровных красивых зубов, и эта улыбка могла подкупить любого, самого мрачного человека. Руки не холеные, но крепкие, способные на физическую работу, с короткими ногтями, подчеркивали принадлежность к врачебной профессии. И все это было видно и привлекательно лишь, когда она сидела на рабочем месте. Когда она должна была встать и ходить, видно было сразу, что женщина с большим физическим дефектом. Ходила с палочкой, у нее одна нога была короче другой, и на много. Это вызывало жалость и могло оттолкнуть желаемого мужчину. А в ее возрасте желаемым был уже каждый второй.

На этом лечебный процесс не кончился. Александр много раз встречал Надежду Михайловну и она не упускала случая с ним побеседовать, на всякие темы, в том числе и на литературные. Видно было, что она много читала, знала русскую и иностранную литературу, доступную советскому человеку. Телевидение тогда было еще слабо развито, в Хабаровск, в предприятия культуры не наездишься, и для культурного человека на отшибе от большого города литература была единственным способом отвлечься от грустных и прочих мыслей. А эротика и сексу так хотелось. Даже во времена, когда партийной пропагандой прославлялся человек, не подверженный этим слабостям.

Обследование привлекательного офицера на этом не закончилось. В тот – же день, к вечеру, Александр встретился на дорожке для прогулок со своим лечащим врачом снова. Надежда Михайловна была чрезвычайно приветлива, некоторое время они шли вместе, она, ее две спутницы и Александр, это была обыкновенная вечерняя прогулка, но в Хабаровском крае в январе хорошие ветры с морозом и долго не погуляешь. Спутницы распрощались, а Надежда Михайловна, не долго думая, пригласила Александра к себе на чашку чая, благо, они стояли около ее дома. Отказываться было неловко, и он согласился с ее любезным приглашением.

Чай оказался с болгарским сухим вином, тогда это было модное и ограниченно доступное вино на Востоке. Фрукты, орехи. Все красиво. Хозяйка включила проигрыватель, с какой то классической музыкой, музыка была тихим фоном. Разговоры ходили вокруг романтизма, в современной художественной литературе. Два бокала вина значительно расслабили Надежду Михайловну, она уже была готова к настоящему ухаживанию гостя, а гость не собирался действительно, и вообще ухаживать. Вечер был долгим, бесплодным и «без надежд на ночь». Около десяти часов вечера Александр стал прощаться, а у хозяйки дома, вот вот, готовы были брызнуть слезы. Гость успел до истерики убраться восвояси. У Александра были грустные мысли, он понимал, что не оправдал надежд одинокой женщины, но он не мог этого без элементарного физического влечения. К нему не могло быть применимо положение обо всем, «что шевелится». Но ожидалось продолжение этого, с позволения сказать, романа, это потом.

Новый производственный год начинался. Директор был, в основном, на своем месте. И не зря. Ему уже казалось, что ритм производства создан, но достаточно двух – трех дней без контроля, и цеха сбивались с ритма. Всегда были возможности найти причину недоработки, и приходилось бороться не столько с плохим снабжением, сколько с плохой кооперацией между цехами и отсталой психологией руководителей производственных подразделений. И с этим бороться возможно было только настойчивыми требованиями. Всех заменить или уволить было неэффективно и невозможно. Правда, некоторые не выдержали требований нового вояния и уволились, на их место были подобраны люди, не испорченные старой психологией. Но таких было немного. В основном, приходилось менять психологию работающих на ходу. И психология менялась. Медленно. Ведь все складывалось годами. Никак не могли отказаться от штурмовщины в конце месяца.

А санаторный период благополучно продолжался. И снова надежда Михайловна, уже запиской, приглашала к себе на осмотр, и снова не могла оторваться от выслушивания и ошупывания всего тела, такого мужественного, но ей не принадлежащего. В разговорах они избегали касаться опасных тем, и это было правильно, Александр мог неосторожно оскорбить добрую и несчастную женщину, которая всей душой к нему тянулась, но ответных эмоций не вызывала.

Вышестоящее руководство знало о том, что Сибирцев находится в отпуску и одновременно работает, но не вмешивалось, а на заводе народ понимал, что это жертва приносится предприятию и его людям. Баланс по окончании года оказался не только положительный, но показатели значительно улучшились по сравнению с предыдущими годами. Это не вызывало восторгов у планово – экономических работников центра и вызывало недоумение у коллег. А «караван шел», его остановить можно было только сменив директора, а менять никто не собирался. Разъяснительная работа с ним к желаемому результату не привела.

Отпуск Александру был положен сорок пять дней, но он сразу по окончании санаторного периода, хорошо поблагодарил всех в санатории, кто ему помогал, и, в особенности Григория Семеновича, двадцатого января уехал домой окончательно, а двадцать первого уже официально отдал себя приказом, как приступившего к своим должностным обязанностям. И снова пошла борьба за строящиеся объекты, за производственный план и за нормальные условия труда.

Партийная организация завода, в связи с тем, что коммунисты были, в основном, гражданские, замыкалась на Центральный райком партии и военные политические отделы не имели ни влияния, ни директивных указаний, ни системы обучения, принятых в армии. Это оказалось довольно удобным, так, как предприятия города имели одно направление: выполнение планов по строительству коммунистического общества, выполнение планов производства по всем видам продукции. А, поскольку, выпускаемая продукция заводом носила чисто военный характер, то перед партийными органами города завод не отчитывался. Масса удобств, и освобождение от дополнительных задач и нагрузок, по линии политотдела. Редкие вызовы в райком

носили совершенно представительский характер, иногда партийный орган города просил оказать материальную или другую посильную помощь, и это выполнялось, и ставилось райкомом в актив заводу.

Так было и в этот раз, но вызвали не в райком, а ко второму секретарю горкома партии, вопрос будет поставлен на месте. Собрались немногие руководители города. Начальник паспортного стола, полковник милиции Левертов Георгий Ассирович, управляющий крайобульторгом, Нестеренко, управляющий лес урс (управление рабочего снабжения лесников) Бутев Евгений Владимирович, управляющий Стальконструкцией Пилипенко, директор театра музыкальной комедии Чапаров, директор завода Энергомаш, директор горпромторга Дубовик, представители горно, директор детского дома трудно воспитуемых детей, и другие директора, в том числе и Сибирцев. Все, пока ждали второго секретаря горкома перезнакомились, все руководители были достаточно коммуникабельны, многие знали друг друга.

Вошел Пастернак Виктор Степанович, второй секретарь. Его речь была короткой, но весомой. Он сразу представился, как руководитель общественного опекунского совета детского дома и всех назвал отцами – опекунами. Сообщил, что это решение горкома партии, и сейчас поедет в детский дом и будем на месте решать, как улучшить его материальное положение и обеспечить детей всем необходимым для нормального проживания, состояния спален, классов, вплоть до одежды детей. Поехали.

Дети не создавали впечатления запущенных, или неухоженных. В беседу со старшими вступали охотно, на вопросы отвечали толково. Здесь проживали и воспитывались дети до седьмого класса включительно, потом, после получения неполного среднего образования многие поступали в профессиональные училища, некоторые, очень немногие, продолжали учиться в школах, переходили в старшие группы воспитанников, и те, кто из них продолжал учиться, уже не представляли ни опасностей для общества, ни сложностей во взаимоотношениях с воспитателями.

После обзорной экскурсии, в кабинете директора, интересной пожилой дамы, свободным выбором были определены подшефные группы каждому промышленному предприятию. Руководители и начальники торговых организаций были приглашены для того, чтобы им выразить настоятельную просьбу горкома партии о внеочередном и незамедлительном удовлетворении всех запросов общественных родителей – директоров заводов, у кого имеется подшефная группа и фонды социально культурных мероприятий. Расчеты планировались безналичные, что для всех было наименее болезненно. Александру досталась группа пятиклассников, он сразу поговорил с руководителем этой группы и выяснил наиболее насущные нужды. Надо было в ближайшее время приобрести новые учебники, по два комплекта постельных принадлежностей, к лету дети нуждались в новой летней обуви. Остальные просьбы будут высказываться в процессе работы, в ближайшее время понадобятся новые стулья в спальное помещение и к весне приступить к подготовке летнего домика группы в лагере, в районе «второго Воронежа». На первое время определились. Виктор Степанович снова собрал всех, кто с ним приехал, пригласил в автобус, и уже в автобусе сказал, что отчетные доклады опекунскому совету будут заслушиваться ежеквартально, и что торгующие организации не получили конкретных групп, что не снимает с них ответственности и они в первую очередь будут приглашаться на заседания опекунского совета. Главное, чтобы к ним не было претензий со стороны остальных опекунов.

Работа была запущена, попрощались до весенних работ по оборудованию лагеря, но контактировать директорам пришлось с торгующими организациями и между собой постоянно.

Прошло тридцать лет после знакомства Александра с партийным функционером, пожалуй, первым и единственным из встретившихся на жизненном пути, порядочным и глубоко уважаемым. За это время Пастернак побывал и во главе еврейской автономной области, и председателях краевого Хабаровского исполкома, и, вот, они встретились в Москве в 2001 году.

Они оба искали способа заработать для прожития семьи, пытались наладить бизнес, но, к сожалению, в советские времена научились уважать государственную собственность, и, имея возможности прибрать к рукам, что плохо лежит, не воровали, и остались в старости со своими ничтожными пенсиями. Над ними смеялись малограмотные и более успешные, потому, что воры. Стали депутатами, и, даже представителями президента России по округам. Общие знакомые.

На заводе Александр пригласил парторга, комсомольский актив, бухгалтера и главного экономиста, обрисовал картину. С финансовой стороной все решалось. Но надо было организовать заводских комсомольцев на участие в воспитательной работе детей. Решили, что в ближайшую субботу детский дом посетит делегация комсомольцев из пяти человек, и они решат, как распределить между комсомольцами мальчиков и девочек, чтобы каждый шеф-комсомолец лично беспокоился о своем подопечном, начиная от одежды, походов в кино и театры, и кончая успеваемостью в школе. Начинание комсомольцы поддержали, довольно активно приступили к работе, и уже через месяц были видны результаты. Подтянулись в учебе и мальчики и девочки, постельное белье пошили в заводской пошивочной мастерской, два раза в месяц выделялся автобус, и дети ездили со своими шефами в кино. Комсомольцы занимались этим конкретным делом с охотой. Некоторые забирали детей к себе домой на выходные, там они и уроки делали, и к семейным делам привлекались. Одежду в торгующих организациях для деток закупили по полному перечню. Надо было учить, чтобы дети за своей одеждой следили, простирывали, гладили. Это дисциплинировало. Воспитатели и директор детдома радовались и боялись испугнуть. Улучшилась дисциплина, дети почти прекратили сквернословить, особенно, которые из неблагополучных семей, где этот лексикон в порядке вещей.

Один из заводской молодежи нашел себе пару из молодых воспитательниц, справили комсомольскую свадьбу, им завод вне всяких очередей предоставил квартиру. Он был серьезный молодой человек, мастер, потом начальник цеха. Молодые люди серьезно полюбили друг друга и длительное время наблюдений за их жизнью и взаимоотношениями показывали, что гармония между людьми – бывает. Именно, гармония. Это была пара, которой завидовали и его друзья и ее подруги. Быстро, за три года, они приобрели двоих детей, мальчика и девочку, в хозяйстве им помогала Олина мама. На пятом году совместной жизни, уже возмужалый, и знающий свое дело начальник цеха пришел к Сибирцеву с просьбой отпустить его на два года в артель на заработки. Семья сложно становится на ноги, и материальное благополучие сегодня можно приобрести только на золоте или в море, в артели надежнее. Он обещает через два года вернуться на завод. Пришлось, по человечески отпустить, и поступок молодого отца семейства был порядочный и человеческий. Он снова через два года вернулся на завод, и работал честно и семья жила благополучно, Оля продолжала работать в детском доме. У нее было призвание воспитателя.

Связи общественных опекунов оказались полезными. Они стали систематически встречаться, решать свои и своих предприятий вопросы, постепенно эти встречи переросли в литературные пятницы. Большой вклад в духовное единство этого сообщества вносили Георгий Ассирович Левертов, вечный поклонник театра муз. комедии и вечный любовник балерины Нелли Ванзиной, и друг директора театра удивительного человека, черкеса по национальности, Мухарби Хамидовича Чапарова. К этому обществу часто присоединялись приезжающие с периферии золотопромышленники, директора леспромхозов, лесхозов, профессиональные охотоведы, моряки и рыбопромышленники, приезжающие в командировки на предприятия краевого центра – Авторемлес, «Прогресс», который располагался в Приморье, но имел массу дел в Хабаровске, много было гостей из Комсомольска – на – Амуре, Ванино, Благовещенска. И все они приглашались соответствующими директорами, которые принимали их по производственным делам, и их визит совпадал с пятницей. Уже был составлен негласный график. Всегда, прощаясь, согласовывали время и адрес следующей встречи. На встречах были не только

беседы о новых постановках театров, кинофильмах, приезжих артистах, но и решались внутренние вопросы, начиная с производства и снабжения, и кончая семейными и любовными. Любовные отношения были у многих, и они стимулировали благородный труд по строительству нового общества, новых отношений, новых страстей. И сдерживали слишком романтических и теряющихся в своей страсти к особам противоположного пола. Немаловажными были совместные ужины, по пятницам – же. Повара каждого предприятия знали свое дело и старались угодить и удивить гурманов. Алкоголь, если присутствовал, то в десятую очередь Общение между собой было главным и стало уже для многих обязательным.

Стремительно приближалась весна. Уже был март. Уже были слабые морозы и слабые оттепели, уже съездили в детский лагерь для прикидки предстоящих работ, заодно и сотворить шашлык на свежем воздухе, и полевую кухню с собой брали, на два котла, чтобы горячий чай и горячая, любимая всеми пшенная со сливочным маслом, и больше ни с чем, каша. В тот разведочный выезд все были настроены на отдых, развлечения и некоторые возлияния с закусью. Кое-кто пригласил с собой даму сердца, имея в виду возможность прогулки по освобождающемуся от снега лесу, приятную беседу и другие виды общения. Начали с осмотра помещений, принадлежащих закрепленным группам, административного корпуса со столовой и медицинским пунктом и спортивного городка. И до начала отдыха все наметили объемы работ на ближайшее время. Сторожа были предупреждены, что в ближайшие дни начнут завозить материалы, а через недельку сюда приедут бригады рабочих. Дети должны выехать на летние квартиры сразу, после того, как установится среднесуточная температура в 15 положительных градусов.

Один из управляющих городским торгом взял в эту поездку свою любимую Катю, и уже через полчаса в компании, которая закусьвала около летней столовой, потихоньку от общества откололись и пошли искать укромного места для того, чтобы побыть наедине. Нашли. В одном из домиков, окна были забиты досками, вход не имел замка, темнота располагала, и им было уютно и хорошо, хоть и очень пыльно. Много пыли, но влюбленным это было не помехой. Общество, разгоряченное крепкими напитками и хорошей закуской, приняло решение спуститься к Амуру, и лично всем удостовериться, что приближается весна и ледоход неминуем. И, небольшими группами, по три – четыре человека, стали спускаться к берегу, спуск был пологим и долгим, слабый ветерок дул в лицо, которые начали свое движение, расстегнувшись и с шапками в руках, сначала одели шапки, потом, потихоньку стали застегивать пальто. Велись разговоры на отвлеченные темы, но постоянно возвращались к предстоящим работам по оборудованию детского лагеря. Эти вопросы у всех были на видном и важном месте, все начали вникать в воспитательную работу непосредственно с каждым ребенком, и это стало приносить желаемые, неплохие результаты. Опыт оборонщиков по подключению к детдому комсомольцев подхватили и другие предприятия.

А ветерок с приближением великой реки усиливался. Там, в лесу, он не так чувствовался. Горожане, особенно присутствующие женщины, холодный ветер стали воспринимать, как досадное недоразумение, но никто не предложил возвратиться в лагерь. До Амура дошли полным составом, исключая законно отсутствующих, директора торгового и его Дульцинеи. Они со всей компанией из лагеря не выходили.

Пришли на берег, уже во многих местах место стыка замерзшей реки с берегом было размыто, активно двигалась на север вода, исчезая под льдинами, и вновь появляясь, уже в другом месте. По бескрайнему льду, то там, то здесь сидели рыбаки и ловили щуку. Щука в этот период уж очень хорошо берет на специальную снасть, видно было, как время от времени рыбаки вытаскивают приличных размеров рыбку. Попадались рыбыны и других пород, которые за зиму изголодались. Промысел опасный, если не соблюдать правил техники безопасности. Не в каждом месте можно перейти со льда на берег. Рыбаки, которые постоянно занимаются этим промыслом, делают к весне специальные наледы в местах им известных. Это их обеспечивает иногда до самого мая. Всем известно, что в районе Хабаровска ледоход случается с пятого

по девятое мая, и в день Победы льды уже покидают реку напротив города и километров двадцать вниз по течению. На такой реке ледоход всегда похож на неудержимую стихию. Весь город с началом ледохода, который длится три-пять дней, внимательно следит за движением льда. Слышен несмолкаемый шум сталкиваемых льдин, иногда проносит мимо зрителей вместе со льдом дома, скотские стойла, вместе с сараями, можно увидеть попавших в беду животных, которых уже не спасти, они зовут на своем животном языке на помощь, но им уже помочь невозможно. И несколько недель по берегам реки медленно тают вынесенные на сушу торосы. Иногда с трехэтажный дом. На лицезрение этих торосов компания решила выехать десятого мая, сразу после праздника. На том решили, и начали восхождение по пологому склону в сторону лагеря. Ветер был в спину, идти, все равно было тяжелее, чем спускаться, и уже те, кто жаловался на холод, стали потихоньку расстегиваться, а к концу пути многие стали снимать головные уборы, хотя, наиболее опытные предостерегали от простуды, просто, решили двигаться медленнее. По возвращению стали собираться в обратный путь, в город. Из неизвестности появился уклонившийся от прогулки со своей Катей, их вид вызвал дружное соболезнавание. Модный костюм любовника, и модного тогда кримплена, был извожен в цементе, будто этот костюм использовали в качестве рабочего комбинезона, пальто, которое, очевидно, использовали в качестве подстилки было еще в более плачевном состоянии, одежда дамы была не в лучшем состоянии. Их бросились чистить, вытряхивать, но текстура ткани прочно держала в себе цемент. Нашедшаяся у одного из шоферов одежная щетка, помогала, но слабо. В первую очередь чистили Катю и ее одежду. Ей надо было домой в приличном виде. Ее кавалер, в конце концов, решил еще сегодня заехать к себе на базу и купить равнозначный костюм. А этот попытаться сдать в химчистку. Обследование места их любовных радостей показало, что весь домик загружен цементом в россыпи и этот цемент свободно берут рабочие, занимающиеся строительством водокачки. Домик не принадлежал ни одной группе и впредь планировался, как складское помещение. И надо было очень постараться, чтобы для преследуемых любовных целей попасть именно в этот склад. Но, любовь и страсть ослепляют. Они вышли из положения, но пару часов счастливой жизни того стоят. И счастливым людям завидовать и помогать надо, всегда..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.